

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Эл Ригби

#ТЕНИ ПРИХОДЯТ С МОРЯ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Эл Ригби

#Тени приходят с моря

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ригби Э.

#Тени приходят с моря / Э. Ригби — «АСТ»,
2017 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-102200-6

Придя однажды, туман не оставил в вашем древнем замке ни живых, ни мертвых. Лишь запах крови в воздухе, сумасшедший живой корабль в бухте и две подсказки в пустом кабинете – карту и старый альбом. Ты знаешь: лучше бежать. Прежде чем алая стража – ужас и опора мира – явится на остров. И прежде чем туман заберет последних выживших. Твое бегство начнется со странных снов. Твоим капитаном станет последний, кого ты могла бы считать другом. И ты не зря сомневаешься, стоит ли доверять детективу, которого ищет твой брат. К чему приведет тебя странствие? Это знают лишь ветры. Это роман о мире, где многие вещи вернее и отважнее людей, многие тропы окованы сталью, а многие маршруты начерчены кровью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102200-6

© Ригби Э., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог. Кров Четырех Ветров	11
Часть I. Слеза, призывающая корабль	14
1. Зеленая подвеска	14
2. Мертвец	23
3. Кошка в тумане	28
4. Белое на белом	37
5. Ву	41
6. Пустой кабинет	45
7. Алые паруса	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эл Ригби

Тени приходят с моря

© Э. Ригби, 2017

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Разве знаешь, разве можешь
Знать,
Куда ведет дорога?
Ведь дорога – это тайна.
По дороге – неизвестность,
И в конце дороги – тайна!*

(Борис Заходер. «Почему деревья не ходят?»)

[пока стучат колеса] Поезд Пятого региона 681- й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Сна

За окном простиралась полоска густого хвойного леса. Она смазывалась, расплывалась в сплошную зелень; отдельные деревья можно было разглядеть, только если смотреть чуть-чуть вперед, а не прямо. Но Чара не обращала внимания на лес.

Она, сидя на корточках, вглядывалась в огонь, с удовольствием поглощавший угольки в топке, и иногда посматривала на отца, чья широкая спина маячила впереди. Даже сквозь стук колес и треск пламени Чара слышала, как шумно и смешно он пыхтит, будто передразнивая свой любимый паровоз или подпевая ему. Вот он дернул за рычаг – и раздался гудок. Живой поезд Великан возвещал о том, что ему крайне по нраву это путешествие. Он вообще был веселый малый, легкий на подъем. Впрочем, как и на спуск.

– Чара! – Гулкий голос заставил девочку приподнять голову. – Иди поиграй. Тут в охранном вагоне есть мальчик. Он всегда с нами ездит, сын...

– Не хочу, – перебивая, буркнула она. – Я останусь с тобой. Подбросить угля?

– Не надо, – отец улыбнулся, продолжая, однако, озадаченно сдвигать густые брови. – Великану хватит, он сыт. А ты и так вся чумазая.

Чара усмехнулась и потеряла ладонью щеку, понимая, что от этого станет только грязнее, и догадываясь, что тогда ее, скорее всего, не пошлют играть с Саманом Димитриёном, сыном одного из *серых*. Она ничего не имела против него, даже привыкла, что он всегда где-то поблизости, как тень, но все-таки... свои редкие часы в Галат-Доре она предпочитала проводить не в бессмысленной беготне. К тому же у Самана была своя компания, в которой Чаре и другим вроде нее не было места. Впрочем, и самому Димитриену, если подумать, тоже нечего было делать в *таком* обществе. Он, как и многие глупые мальчишки, просто обманывал себя. Ведь и он, и Чара, и все, кто прибывал из Пятого региона, были для чистого, блестящего и пестрого города невидимками. Вечными невидимками. Саману это, кажется, не нравилось, и он всячески пытался это изменить хотя бы в отношении себя. А вот Чаре было наплевать. Почти всегда.

Поэтому поездки на соседний континент, Протейю, девочка расценивала как возможность побыть с отцом в его паровозе, у топки или у гудка. А перерывы, во время которых почтовая служба разгружала и нагружала состав, позволяли погулять по Центральному вокзалу. Послушать разговоры местных, купить пышную сладкую вафлю со сливками и помечтать о путешествии в ползучих вагончиках – маленьких подобиях поездов, сновавших по тонюсеньким рельсам через всю Первосветлейшую. Но на ползучие вагончики времени бы не хватило. Разгрузка длилась недостаточно, да и местные серые охранные все равно не выпускали тех, кого привозил Великан, за территорию вокзала. Разве что военных, в которых видели, так или иначе, своих.

Отец вздохнул и дал еще один гудок. Высоченная, длинная, заросшая мхом стена уже темнела впереди. Огромные ворота, по бокам которых высились две башни-форпоста, распахнулись. Чара подскочила к окну.

Она успела заметить мелькнувшие на укреплениях мрачные лица и привычно мазнуть взглядом по торчавшим из бойниц вороненым стволам. Граница была пройдена. Отец с дочерью как всегда облегченно выдохнули. Хотя иначе никогда не бывало, по крайней мере, на памяти Чары. Великана узнавали издалека, по стройному остроносому паровозу. По искрящемуся белому дымку и большим черным колесам.

Поезд застучал быстрее и увереннее. Вагоны один за другим проскальзывали в открывшийся проем. Чара не могла этого слышать, но ей казалось, она *слышала*, с каким лязгом снова сомкнулись створки. Дом остался позади. Но дом ждал.

Лес поредел, заснеженные рощи и равнины пропали из виду, и вскоре за окном показалось ласковое незамерзающее море, вдоль которого витками тянулись полузатопленные пляжи. Пока они были еще совсем пустынными, но Чара знала: вскоре пейзаж преобразится. Заброшенное, глухое туловище континента перейдет в гибкий изящный Перешеек, обрастет поселками и городками. Пятый регион (именно так, жители его давно уже не употребляли названия Вёспа) заканчивался прямо у ворот, рельсы теперь пролегали совсем близко от воды, соленый и пряный запах которой щекотал ноздри. Веспанский живой поезд по имени Великан, везущий сегодня груз руды, немного почты и четыре вагона древесины, помчался быстрее.

Больше Чара уже не отрывалась от окна, забыв об огне. Ей нравились высокие стены, тонкие башенки, нависшие над каменной кладкой густые ягодные кусты. Дома во время ветра Сна все казалось пронизывающе холодным и голым, здесь же, на Перешейке, – прекрасным. Неповторимым и невероятным.

Чара сидела тихонько, и чем симпатичнее становились проезжаемые городки, тем мрачнее делалось ее молчание. Она кусала губы, сжимала до побеления костяшек кулаки. Чара завидовала каждому, кто мог праздночно смотреть из окна и видеть этот поезд, везущий что-то для Большого мира. Поезд, полный невидимок. Невидимый поезд из невидимого региона. Поезд-слугу. А это уже невозможно было не замечать. На улице светало.

Чара вроде не хотела спать, но все же задремала, с ногами забравшись на маленький тюфячок в углу. Отец держал его специально для таких поездок, зная, что ему не удастся отговорить от них дочь. Казалось, даже колеса застучали глуше. Великан старался не шуметь.

Мужчина, слышавший его ровное дыхание не хуже, чем дыхание дочери, тихо спросил:

– Можно?

– Конечно. Нужно! – ответил ему глубокий голос из ниоткуда.

Чепмэн Деллависсо отступил от приборной панели. Поезд теперь ехал сам. Мужчина подошел к тюфяку и укрыл дочь своим плащом. Он обратил внимание на выражение тонкого бледного личика, и во сне хранившего след замкнутости и злости.

– Когда-нибудь мы все исправим, Чара, – мягко прошептал он и, постояв над ней еще немного, вернулся на место машиниста. – Благодарю, Великан.

Чару снова разбудил гудок. Он был громче и короче предыдущих и возвещал скорое прибытие. Девочка протерла глаза, села. Даже отсюда она отчетливо видела в окне чудесные здания с треугольными крышами. Бежевые, золотистые, малиновые стены, балкончики, мансарды. Чужие... и привычные.

– Почему... – начала она. Отец устало обернулся. – Неважно.

Она уже знала, почему ее единственный шанс посмотреть на этот город – отправиться в путь с отцом. И почему у большей части жителей Пятого региона нет и такой возможности. Это знали все или почти все, некоторые даже не интересовались. Но каждый раз, когда приветливый чистый Галат-Дор вставал перед ней, маня издалека, как лакомство в пестрой обертке, она все же задавала вопрос. И тут же осекалась.

– Купить тебе вафлю, пока я буду бродить? – Чара старательно улыбнулась. – Ты ведь не пойдешь.

– Купи, – вздохнул отец, подкручивая ус перемазанным в золе пальцем. – Не пойду.

Прогулка вместе с отцом тоже была ее мечтой. Но еще менее достижимой, чем поездка в ползучих вагончиках. Отец всегда был занят на разгрузке, или заполнял документы, или пил с другими машинистами, обмениваясь попутно новостями.

– Ага, – отозвалась она. – Возьму две.

Поезд дал последний гудок и начал замедлять ход. Чара потянулась, оглядывая высокие, с массивными колоннами флигели Центрального вокзала. В поле ее зрения привычно попала синевато-серая птица на вывеске над крайним корпусом, а также длинная надпись: «Почтовая служба “Такара”».

«Вот я и дома», – тоскливо подумала девочка. В чужом доме, который она иногда позволяет себе считать своим.

На платформе стояли двое тощих, но очень хорошо одетых мальчишек с длинными черными волосами. Это были сыновья хозяина почтовой службы; Чара так и не запомнила их имен и не научилась их различать. Они не переминались с ноги на ногу, не дрались, вели себя очень чинно, как ученые зверьки. Поблизости крупная собака золотисто-рыжего цвета гонялась за собственным хвостом.

Поезд остановился рядом с ними, издав дружелюбное ворчание и пустив дымок. Собака взвизгнула и отбежала, мальчики чуть отошли, глядя на вагоны: один выжидающе, второй – с некоторой скукой. Чара знала, кого они тут высматривают. Она, как всегда, не ошиблась.

Из второго вагона начали выходить люди в невзрачных черно-серых мундирах, с винтовками за плечами. Охранные были оживлены, предвкушали прогулку по чужому городу и радовались тому, что путь прошел гладко: без нападений *ассинтаров*, дорожных разбойников. Слышались приглушенные голоса, смешки, чеканный стук сапог. Чара бездумно уперлась взглядом в чью-то нашивку на рукаве – знак Веспы. Цифру «5», начертание которой чем-то напоминало сломанную стрелу.

Люди в таких же мундирах, но с «семерками» на рукавах, ждавшие поодаль от мальчишек, приветствовали их – дружелюбно, хотя и немного настороженно – как и обычно. Свои ждали своих. Серая толпа смешалась и загомонила.

Почти сразу от солдат отделился мальчик – Саман – коренастый, смуглый, с бесцветными короткими волосами. К нему с гиканьем бросился один из близнецов и подбежала собака. Второй тоже подошел, и, подражая взрослым, оба парнишки серьезно пожали прибившему руку. Чара фыркнула. За спиной отец отключал системы Великана и тихо, ласково советовал ему хорошенько передохнуть.

Чара ждала и от скуки смотрела на мальчишек. Первый из близнецов уже всю болтал с гостем. Судя по горевшим от любопытства глазам, он в который раз расспрашивал, каково это – быть сыном человека с оружием, видеть много других вооруженных людей, а иногда вместе с ними даже отбиваться от разбойников. И не напал ли кто сегодня?

Вероятно, для этого ухоженного чистюли оборванец из Пятого региона был каким-то диковинным существом. И наоборот: для Самана друг, живущий за пределами Веспы, – особенный. Хотя бы потому, что может поехать куда угодно и когда угодно. Большой мир так огромен... жаль, для Чары и Самана он ограничивается одним континентом и железной дорогой.

Второй близнец почти не поддерживал разговор и больше осматривался. Его скучающий взгляд скользил по лицам военных, потом по колесам поезда, все выше... и вот мальчик уже посмотрел на прижавшуюся носом к стеклу девочку. Молча. Пристально. Он заметил ее впервые – обычно она, видимо, ускользала раньше, чем ему окончательно надоедало изображать заинтересованность в беседе с приятелем брата.

Глаза у него оказались светло-голубые, ресницы – девчачьи, и по-девчачьи тонкими были брови. Чара показала ему язык и отпрянула в сторону.

– Поторопись, если хочешь погулять, сегодня вряд ли будет много почты. – Отец рассеянно оглядел серую толпу. – Скоро назад. Береги себя, милая.

Чара кивнула и, быстро причесавшись и вытерев лицо платком, выскользнула из поезда. Как обычно, с самой верхней ступеньки она ловко спрыгнула на противоположную от основной платформу. Она надеялась, что там никого не будет, но ошиблась. Мальчик с голубыми глазами, видимо, перескочивший путь по рельсам, стоял в паре шагов и ждал. Вид у него был очень наглый.

Чара молча выпрямилась, услышав, как отец за спиной захлопнул дверцу. Великан окончательно затих, отходя ко сну. Отступление стало невозможным.

– Привет! Кто ты? И почему ты такая перепачканная?

Мальчик бесцеремонно протянул руку и попытался стереть золу с ее щеки. Чара вспыхнула и отскочила, ударив его по пальцам:

– Потому что. Отстань.

Он сын большого человека. Только поэтому она не ударила сильнее. Но и тратить свое драгоценное время на болтовню с ним Чара не собиралась. Девочка глядела хмуро, исподлобья:

– Держись от меня подальше.

– Ты злая какая-то...

Мальчик приветливо улыбнулся и пожал плечами. Он казался таким чистеньким, что Чара с горечью, почти с отвращением прошипела:

– Поживи там, где я.

И, развернувшись, быстро-быстро побежала к ближайшему входу. Вокзал – целый город в городе, с множеством лавочек, трактиров, крошечных садилов. Здесь можно поесть, погулять, посмотреть из больших залов ожидания на Галат-Дор, подняться на крышу. Жаль, отсюда не сбежать: ворота сторожат. Но зато...

...тут очень легко потеряться.

Мальчик побежал за ней.

693-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Пробуждения

Лес за окном казался призрачным, вытянутым вверх, легким. Он весь будто бы светился. Чара вглядывалась в него, нетерпеливо ожидая форпост. Она старалась держаться подальше от топки, чтобы не запачкать свою новую темно-малиновую юбку с отороченным

мехом длинным подолом. Этот подол она разглаживала на коленях, собираясь пристегнуть в городе.

– Прибавить? – Отец посмотрел на нее.

Наверное, она казалась ему очень симпатичной, но, главное, он мог радоваться, что она улыбается. Радоваться и меньше волноваться за их ближайшее будущее. Только бы все получилось. Пусть это и всего лишь *репетиция*.

Чара приблизилась к нему, а затем немного сжала его запястье:

– Не надо. Скорость ничего не изменит.

Они переглянулись. Кабина паровоза вся задрожала, и Чара успокаивающе положила ладонь на краешек приборной панели:

– Не бойся, мой хороший. Не бойся.

Чара уже отчетливо видела впереди ворота и башни. Ближе и ближе. Ближе и ближе. Вороненые стволы, мрачные лица. Паровоз дал приветственный гудок. Сердце застучало. Раз. Два...

Ей показалось, что мгновение длилось вечно. Но на самом деле ворота уже раскрывались. И наконец распахнулись, пропуская поезд вперед. Вагон за вагоном, вагон за вагоном через узкий проем, прочь из Пятого... нет, прочь с Веспы, потому что скоро это название снова будут произносить без страха и стыда. Чара улыбалась. Все шире и шире. И она снова, казалось, услышала, как закрылись створки за последним вагоном.

– Получилось... – прошептал отец. – Невероятно. Они не догадались...

– Ну это же мы. – Чара посмотрела в окно. – Как же иначе.

И они заплатят за это. Ох, как же они вскоре заплатят, красные твари.

Они замолчали. Отец повернулся спиной, а Чара все не отрывала взгляда от длинных равнин, поросших молодой травой и бледными хрупкими цветами. Ветры Пробуждения не успели напитать каждую травинку силой, а только подняли из земли. Не успели нашептать тайн жизни и тайн смерти. Все только начиналось. И Чара Деллависсо верила, что все только начинается и для нее тоже. Она не видела ничего плохого в том, чтобы быть такой же – только чуть более крепкой – травинкой.

– Теперь у нас получится, – произнесла она. – Однажды получится.

Отец не ответил.

Вскоре Чара задремала у окна: ночью она не могла позволить себе поспать хотя бы час. Отец подошел и провел рукой по ее длинным густым волосам. Чара выросла. Стала очень красивой. И, наверное, лучше было отдать ее хорошему мужчине с Веспы, чем раз за разом брать в Галат-Дор и позволять делать то, что она задумала. Нет. Что *они* задумали.

– Ты не подведешь нас? – задал он вопрос в пустоту.

– Я сделаю все, – раздался эхом ответ со всех сторон. – Во имя ветров, я сделаю все.

Лес и пустоши сменились дикими пляжами. Дикие пляжи – городками, увитыми ползучими растениями. Колеса опять застучали громче.

...Чара привычно открыла глаза после гудка и увидела малиново-золотые постройку. Поезд уже замедлял ход. Чара вскочила и принялась приводить себя в порядок, периодически поглядывая в окно.

На платформе стояли люди в серых мундирах и провожали взглядами каждый вагон. *Ни один ничего не заметил.* Совсем ничего. Чара торжествующе усмехнулась. Затем она причесалась и быстро провела руками по собственному лицу.

– Чистое? – спросила она.

Отец хмыкнул и сказал:

– Ты давно уже не сидишь в пути возле топки, милая. Ты чудесна.

В окно она видела, как одни люди в сером выходят из вагонов навстречу другим и здороваются. Макушка Самана Димитриена стала заметной среди них, только когда он отошел

и пожал руку высокому черноволосому юноше – аккуратному и бледному. Молодой человек был с рыжим ухоженным псом, который радостно встал на задние лапы, а передние положил Димитриену на грудь. И, конечно же, рядом с ними не было...

– Я пойду, – быстро бросила Чара. – Купить тебе вафлю?

– Две, – попросил отец. Улыбка не сходила с его лица еще некоторое время, но вот он уже нахмурился. – Будь осторожнее. Пожалуйста.

Чара кивнула и открыла дверцу, зная, что не успеет выпрыгнуть из кабины сама. Ей уже протянули тонкую бледную руку:

– Здравствуй.

Касание пронзило ее пальцы колючими искорками, которые моментально добрались до сердца и вспыхнули. Чара плавно спустилась на одну ступеньку.

– Здравствуй, Конор.

Он стоял и смотрел снизу вверх. В слабом утреннем свете она видела блеск его оживленных голубых глаз. Нижняя часть лица была, как обычно, прикрыта темным платком. Конор, как какой-то мальчишка, подражал Героям Прерий – отряду мстителей из своих любимых книг. Платок стал неизменной деталью одежды Конора с тех пор, как его брат-близнец выбрал свою судьбу и окрасил ее в алый цвет. Больше Конор не хотел, чтобы их – некогда неразлучных – путали.

Чара спустилась до конца и подошла к юноше вплотную. Она оттянула платок к заостренному подбородку и прошептала:

– Удивлен?..

Девушка прикоснулась губами к его губам. Он провел по ее щеке ладонью, стирая невидимую золу. Как всегда. Как в первый раз, когда Чара с трудом удержалась, чтобы не расквасить ему нос. И именно теперь Чара почувствовала самое настоящее облегчение.

Отстранившись, Конор внимательно оглядел состав у Чары за спиной:

– Это... действительно не Великан?

Чара удовлетворенно, с нескрываемым удовольствием кивнула.

– А как его зовут?

– Когда-нибудь он назовется тебе сам. Потерпишь?

Но Конора уже не интересовали большие черные колеса. Он снова смотрел только на Чару.

– Потерплю. Идем.

Центральный вокзал Галат-Дора – целый город в городе. Здесь очень легко потеряться, особенно с кем-нибудь вдвоем.

И дувший сегодня ветер уже нес острый, дразнящий, горячий запах крови, который так странно сливался с ароматом сладких сливочных вафель.

Пролог. Кров Четырех Ветров

710-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Сбора

Близ этого острова часто гуляют ветра, заживо сдирающие с волн клочья пены. Настоящие бури, от которых стонут камни и тяжело скрипят старые деревья в лесу. Ветра быстро загоняют лесных животных в усталые листьями норы, а людей – под надежные крыши.

Наверняка ветрам нравится это делать. Они играют всем, до чего могут дотянуться их невидимые пальцы. Им быстро это надоедает, и тогда они ускользают прочь.

Но даже для Малого мира они заглядывали на этот остров слишком часто. Может быть, поэтому еще в древности его называли островом Четырех Ветров. Позже так называли и устроенный здесь приют – россыпь древних каменных башен, поросших просоленным мхом. По легенде, некогда бродячий замок просто шел через океан и остановился здесь, чтобы отдохнуть – уснуть и затихнуть навсегда. Возможно, замок умер, как иногда случается с древними вещами этого мира. Но жившие здесь люди не видели ничего ужасного в том, чтобы остаться под сенью мертвеца. Так и возник приют.

Мертвый замок стали называть Кровом Четырех Ветров. И это особенное место. Сюда никто и никогда не присылал писем и здесь почти не появлялись незнакомцы. Впрочем... речь о взрослых незнакомцах. Маленьких же – где-то нагулянных, а теперь не нужных, голодных, плачущих, еще даже не умеющих говорить, – раньше подбрасывали сюда довольно часто. Здесь они вырастали, постепенно влюбляясь в ветер, птиц и океан. С этой любовью было не очень легко жить, отправляясь в Большой мир, но некоторым все же удавалось. По крайней мере, мало кто возвращался назад.

Нет ничего хуже, чем быть сиротой, верно? Особенно в захолустье вроде этого. Нетрудно описать, что представляет собой приют в Малом мире. Вечные ненастья, плохая еда, воспитатели, напоминающие надзирателей. Бежать бессмысленно, ведь на крошечном острове Четырех Ветров нет ни городов, ни поселков. Это лучшее место для сирот. И их никто не обидит, и они никого не обидят. Расстояние до материков отсюда равняется длине ста тысяч больших кораблей: двадцать вахт плавания или около шести дней пути. Долететь быстрее, но лететь не на чем. В единственный самолет, в старенькую колымагу из *мертвых*, как раз ударила молния. Его все еще не починили. Может быть, уже и не починят. В конце концов, последний раз его использовали слишком давно.

Девушка по имени Тэсс не улетала отсюда никогда. Но она и не хотела: она вообще очень любила свой дом. Здесь у нее была своя кровать, и там, где она стояла, не протекала крыша, что уже можно было считать везением. Здесь обитали *китрапы* – рогатые дельфины – правда, они боялись двуногих и обычно не приближались к берегу, но, проплывая мимо, будили всех тонким долгим зовом, похожим на звон колокольчика. Здесь жила чудесный доктор, ла Мадí Довэ, которая даже среди самых горьких таблеток находила более-менее сладкую и непременно трепала воспитанников по волосам, напутствуя: «Не хвори!» И здесь был управитель ло Паолино. Молодой, но седой, как Серебряные яблоки, – три круглых шара, вырастающих в Небесном саду ночью. Паолино считался главным не только здесь, но и в Большом мире, где, говорили, он был кем-то важным. Именно благодаря ему Кров никогда не бедствовал. По крайней мере, такие ходили слухи.

Потом он исчез. Впрочем... все началось раньше. Намного раньше.

На сиротском острове еще были руины. Это короткое слово произносилось шепотом, с загадочными интонациями, ведь дети так любят загадки. Это были руины конструкторского

бюро и завода. Они соседствовали с Кровом, их огораживал высокий забор. Там строили самолеты и корабли.

В детстве Тэсс всегда интересовало, кто эти люди в красивой синей форме, где они живут? Утром их доставлял один и тот же огромный самолет, он же забирал вечером, оглашая окрестности низким гулом. Куда люди улетали, если остров Четырех Ветров – единственный в округе? Сироты вздохнули спорили об этом. Воспитатели – только хмурились и молчали. А когда однажды им показалось, что любопытство детей перешло все границы, и они включили в устав Крова новое правило, несоблюдение которого грозило плетью.

Ни днем, ни ночью, ни поодиночке, ни с кем-либо – не подходить к корпусам чужаков.

Да, воспитатели называли своих соседей за высоким забором «чужаками». А потом на острове не стало и чужаков.

Исчезнув однажды, они оставили много интересного: листы металла, деревянные конструкции, мелкие шурупчики, сварочные аппараты. Часы и станковые механизмы, шестерни, парусину. Доски для письма, длинные линейки, увеличительные стеклышки. И, сразу забыв о правиле, ребята все это растащили. Кому-то достался шарф из тонкой ткани вишневого цвета. А кому-то – красивый нож для бумаг и огромный блестящий циркуль. Воспитатели тоже решили, что теперь правило можно отменить. Они взяли себе отопительные приборы, светильники, книги. Говорили, что-то искал в дальнем кабинете бюро даже сам управитель. Но никто точно не знал, что именно и нашел ли.

Никому не понадобились лишь старые, истертые, а местами размокшие и заплесневевшие чертежи, которые ждали Тэсс. Однажды забравшись в руины, она начала собирать Марча – свой маленький игрушечный самолет. Девочка провозилась с ним несколько недель и, закончив, выкрасила его в красный и бежевый цвета. Имя она написала синим – по левому боку. На хвост краски не хватило, поэтому пришлось сделать его желтым.

У Марча был настоящий маленький двигатель и легкие светобатареи на крыльях. А еще Марч был *живой*. Единственная *живая* вещь на всем острове, во всем приюте. Правда, он был немногим умнее собаки: летал за Тэсс по пятам, жужжал и вечно садился ей на голову. Воспитывать такое существо было трудно. Но она и не пыталась.

Тэсс сделала самолет по чужим чертежам, лишь немного их исправив. И как же воспитатели удивились, узнав, что Марч получился из *тех самых*, а значит, и Тэсс тоже, видимо, из *тех – других*. Одно время все под Кровом только об этом и говорили. Потом как-то успокоились. В общем-то, какая разница? Неслучайно над главным входом в приют красовалась надпись: «Под Кровом все равны». И ей позволили пока остаться равной. В конце концов, чтобы стать по-настоящему особенным, нужно для начала стать хоть кем-то.

Те самые – это живые вещи. Так случается в мире: у некоторых людей, создающих разнообразные предметы, эти самые предметы оживают. Они могут думать, подавать знаки, двигаться, изредка говорить. Подобными бывают самолеты, поезда, корабли, трамваи, машины. В древности такими были замки и мечи, а ныне – дома, и еще реже – вещи вроде диванов и шкафов, игрушек и книг. Их наполняет неосознаваемая, невидимая сила самой жизни, сила, которую зовут *тэ*. И все знают: эти вещи ценнее обычных, *мертвых*. Подобные самолеты могут какое-то время лететь без топлива, как люди, преодолевая голод. Дома сами прогоняют воров. Мечи обороняют хозяина, пока не будут оплавлены самым безжалостным огнем. Но и во всем прочем эти вещи – как люди. Которые могут быть злыми и бессовестными, грустными и вредными. С ними бывает трудно сладить. Их отличает от людей лишь одно: они никогда не предадут.

Тэсс слышала, что в Большом мире – на континентах – мастеров живых вещей называют Зодчими. Называют еще с тех времен, когда всё, что люди могли соорудить, они делали из дерева. *Зодчие*. Ходили слухи, среди них нет бедных, одиноких, больных и бродяг, и уж точно нет сирот вроде нее. Говорили, *тэ* бежит прямо по их жилам, и если бы в Большом и

Малом мирах верили в каких-то существ, управляющих ходом событий и создающих жизнь, Зодчих считали бы приближенными к ним. Своим появлением Марч дал Тэсс шанс занять место среди них, получить будущее, заметно отличающееся от будущего остальных подопечных.

Но будущее было слишком далеко. Она старалась о нем не думать. Вместе с Марчем у нее и так появилось слишком много проблем.

Например, мальчишки. Они ходили за ней и уговаривали сделать для них такие же самолеты. Девочки же просили живую куклу или плюшевого зверька, уверенные, что у нее, никогда не умевшей шить, получится и это. А ведь она знала: не выйдет. Марча она создала при помощи сомнительного и не очень точного чертежа, но он ожил. Самолет стоил ей заноз на пальцах и ожогов. Он стал для нее символом ее мечты – проектировать настоящие, большие самолеты. Но как объяснить это другим? Вместо фразы «я не могу» дети (да и некоторые взрослые тоже) обычно слышали отговорку «я не хочу».

Марча у нее крали.

Ломали ему крылья.

Бросали его в воду.

Он неизменно возвращался – по воздуху или на своих маленьких шасси, чуть ли не ползком, только так напоминая, что он особенный, живой и не игрушечный. И Тэсс чинила его, бережно красила заново, а потом со своим братом Ласкезом мстила обидчикам. Она всегда пускала в ход кулаки, пока старшие не сказали ей, что настоящие девочки не дерутся.

К тому времени Марча все равно оставили в покое. Может быть, потому что всем надоело получать в зубы. А может быть, потому что под Кровом все равны и о том, что кому-то повезло чуть больше, чем другим, тут забывали довольно быстро. Забывали до поры до времени, но все же на более длительный срок, чем в Большом мире.

Тэсс больше не дралась. И больше не строила игрушечных самолетов, зато по-прежнему мечтала о настоящих. Вот такой была ее жизнь.

А потом Тэсс исчезла.

Часть I. Слеза, призывающая корабль

1. Зеленая подвеска

Чпанк!

Мячик из мягкого упругого материала в очередной раз ударился в стенку, отскочил и вернулся к Ласкезу в руку.

– Головой постучи, – посоветовала Тэсс, сморщив нос.

Брат любил ее комнату, неизменно объясняя это тем, что «у девчонок кровати удобнее». Вероятно, так оно и было, но Тэсс не удавалось это проверить: в «Гнезде» (так называл мальчишеские апартаменты Ласкез) вечно царил беспорядок и стоял такой гвалт, что долго находиться там было невозможно. «Гнездо» напоминало скорее логово не очень чистоплотных волков. А вот «Нора» – комната старших девочек – почти всегда была убранной: и Тэсс, и все три ее соседки не любили беспорядок.

Сейчас Мойра, Таура и Минди где-то гуляли. Это позволяло Ласкезу вольготно раскинуться поперек сестринской постели, подпереть стенку обутыми в тяжелые длинные боты ногами и без конца швырять свой дурацкий мяч. Впрочем, Мойра, Таура и Минди вряд ли стали бы прогонять самого красивого парня Крова. Вытянутые ноги, расслабленная спина, смуглая жилистая рука с длинными пальцами, то и дело сжимающими мяч, – даже в этой его позе было столько самоуверенного обаяния, что оно сражало почти любую девочку. Конечно же, кроме Тэсс.

– Марч, – произнесла она.

Самолет с ворчанием полетел наперерез мячу и поддел его носом, не дав вернуться в руку Ласкеза.

– Умница.

Брат зевнул и приподнялся на локтях. Его длинные черные волосы были растрепаны, кое-где в них виднелись перья из подушки Тэсс. На мяч Ласкез посмотрел без особого сожаления, после чего бросил ленивый взгляд на сестру:

– Я понимаю, если бы ты сейчас читала или чертила. А так ты просто вредничаешь.

– Даже если я не читаю и не черчу, я все равно имею право на тишину, – отметила Тэсс. – Или нет?

– Или нет.

Они опять внимательно посмотрели друг на друга – близнецы, мальчик и девочка, отличавшиеся только цветом глаз: у Тэсс они были серыми, у Ласкеза – голубыми. Марч приземлился на край кровати, и Ласкез начал разворачиваться, чтобы его лягнуть, но не успел: самолет проворно перебрался обратно на шкаф.

– Если все, что ты построишь, будет таким же жалким и вредным, ты станешь первым Зодчим, которого повесят, – сообщил Ласкез.

– Думаю, никому из тех, на кого я буду работать, не придет в голову привязывать колокольчики и банки к хвостам моих самолетов, – отозвалась Тэсс.

Брат не удостоил ее ответом. Он поднялся и вытянул вверх руки, встав на носки. Блаженно зажмурил глаза. Ласкез пропустил сегодня половину уроков, выпался и потому пребывал в прекрасном настроении. У Тэсс с этим было похуже. Она вернулась к разглядыванию туманного океана за окном. Кажется, неподалеку от прибрежных скал мелькнуло несколько рогатых голов китрапов.

– Уплыть бы, – сказала она неожиданно даже для самой себя.

– Да, – отозвался брат и тоже подошел к окну. – Уж я бы свободой воспользовался. Так воспользовался...

– *Этого* бы нашел? – прищурилась сестра.

Их взгляды опять встретились. Ласкез вздрогнул и мотнул головой:

– Не только. А ты?

– Маму. И папу, может быть.

– Тэсси, мы в том возрасте, когда мама уже не нужна, а папа – тем более. – Он заправил за ухо длинную прядь.

– Такого возраста нет, – возразила Тэсс. – Пусть ветра сменяются хоть триста раз.

Они не помнили своего настоящего дома. Вполне возможно, его и не было. Но Тэсс иногда любила о нем помечтать, а Ласкез, как правило, отпускал по этому поводу парочку шуток. Впрочем, сестре было что ему припомнить:

– А зачем тогда тебе *этой*, если тебе не нужен папа?

Ласкез скривил рот, одновременно приподнимая брови:

– Ты как маленькая, всё «мамы», «папы». Люди иногда еще и дружат.

– А ты дурак, – парировала она.

Ласкез не успел ответить: дверь в комнату открылась, и на пороге показалась Таура.

– Вещи от *крестных* привезли, Тэсс! – радостно сообщила она, и ее большие острые ушки дернулись. – Иди выбери себе что-нибудь, я тебе первой сказала. Ой... – Она заметила Ласкеза. – Привет! И... ты тоже. Может, тебе носки нужны? Шляпа? Или...

– Мне ничего не надо, – отозвался он, продолжая смотреть в окно. – Вот еще.

– И мне, – сказала Тэсс, но Таура тут же нахмурилась.

– Твоя юбка вся в машинном масле. Я видела юбки...

– Ладно, хорошо, иду, – вздохнула Тэсс и спешно добавила: – Благодарю.

Вздохнув еще раз, она поплелась к выходу: все равно заботливая Таура не отстанет, а то и подберет для любимой подруги что-нибудь абсолютно ужасное на свой вкус: скорее всего, обшитое бусинами. Но на самом деле Тэсс злилась. Копаться в благотворительных вещах! Что может быть занятнее, когда тебе пятнадцать и у тебя нет ни одного платья...

Крестные не были настоящими крестными, как в Большом мире, – опекунами, которые смогут забрать себе осиротевшего ребенка в случае смерти его родителей (ставя крест в специальной официальной бумаге, они подтверждают свое согласие). Просто у каждого детского приюта – даже такого удаленного, как Кров Четырех Ветров, – имелось что-то вроде организации-хранителя. Конструкторские бюро, заводы, фабрики, крупные конторы самого разного толка регулярно жертвовали своим подопечным деньги: чем больше была сумма – тем меньше они платили налоги. Тэсс об этом знала, поэтому не питала иллюзий относительно доброты богатеев. Она знала также, что игрушки и вещи с чужого плеча чаще всего жертвуются потому, что это поощряет начальство. Поэтому некоторые рабочие и служащие приносят самый отвратительный хлам, лишь бы отдать хоть что-то. Хотя многие, наоборот, специально покупают новое: вещи привозились в упаковке, с ценником, только-только сшитые. И все равно... Тэсс не любила эти подачки. Отчего-то она чувствовала себя униженной, даже едва прикасаясь к сваленным в неаккуратные груды тряпкам. Поэтому сейчас она еле передвигала ноги.

– Поторопись, – Таура обернулась и остановилась. – Все разберут.

– Плевать, – вяло отозвалась Тэсс.

– А я хочу себе что-нибудь... новенькое... славное... блестящее.

Тэсс невольно усмехнулась. Конечно, Тауре только блестящее и подавай. Она наполовину принадлежала к *шпринг* – двуногой кошачьей расе, единокровной с обезьянней, которую звали *киримо* или «приматной». Двуногих рас на самом деле было больше, но приматная и кошачья считались самыми многочисленными. Поборовшись за влияние и территорию в

самом начале, они давно уже успокоились и сблизились. Шпринг жили либо в своих отдельных городах, либо в кварталах городов киримо и отличались от них разве что строением конечностей, формой ушей, носов и глаз и количеством шерсти. Это были пушистые и умные создания с дурным характером, по крайней мере такими их считали те, чьими предками были обезьяны.

Полукровка Таура была шпринг по матери и человеком по отцу. Она говорила, что, будь наоборот, у нее тоже росла бы на лице шерсть. А так она родилась с узкими зрачками, плоским маленьким носиком и большими, чуткими треугольными ушами. Шерсти у нее не было, зато над бровями поднимались и загибались кверху по три тонких длинных волоска-вибрисса. Благодаря им Таура прекрасно ориентировалась в пространстве, и незаметно приблизиться к ней было почти невозможно. А еще Таура, как и все кошачьи, питала слабость к блестящим вещам.

– О чем болтали, когда я пришла? – спросила Таура.

– О том, как славно было бы удрать с этого острова, – Тэсс поморщилась. – О чем еще можно говорить за полторы смены до Выпуска?

Таура не успела ответить или не сочла нужным тратить на это время: она уже толкала вперед дверь в приемную комнату. Проскользнув следом, Тэсс увидела множество вскрытых распотрошенных коробок. Даже если Таура и правда позвала ее первой, толку от этого не было: остальные сироты успели сбежаться и уже превратили все привезенное в большую бесформенную груду.

Доктор Мади Довэ тоже была здесь. Она стояла у окна: видимо, сегодня была ее очередь следить, чтобы при дележе вещей никто не подрался и не нахватал слишком много. По пухлым губам женщины блуждала улыбка – грустная и веселая одновременно. Слабая, странная, задумчивая. В общем – обычная для нее.

– Здравствуйте, ла, – сказала Тэсс, в то время как Таура уже бросилась к вещам, удовлетворенно мурлыкая.

Доктор кивнула. Аккуратное алое пятнышко в центре ее высокого лба – круг в мелких треугольниках, – как всегда, привлекало взгляд. Вытатуированный знак дневного светила, Зуллура, был у всех женщин с дальних островов.

– Здравствуй, Тэсс, подойди сюда, пожалуйста.

В гомоне, нараставшем по мере прибытия новых и новых ребят, Тэсс едва ее услышала, но все же приблизилась, аккуратно обогнув раскопки в центре комнаты. Ла Довэ улыбнулась, еще раз заглянув ей в лицо, и неожиданно понизила голос:

– Я отобрала для тебя юбку и пару *пэи*. Они совсем новые, потом заберешь.

Тэсс потупилась. Ла Довэ по-особенному к ней относилась – так ей иногда казалось. Это было приятно, но и в какой-то степени смущало ее. Какое счастье, что этого почти никто не замечал. Но *пэи*! Совершенно чудесные штаны из плотной синевато-серой ткани, с кожаной шнуровкой по бокам и тремя парами карманов, куда можно накидать кучу мелочей! Даже если не подойдут по размеру, все равно...

– Благодарю, – отозвалась Тэсс. – Знаете... не люблю там рыться.

– Понимаю, – мягко отозвалась доктор. – Ты не для такой жизни.

Тэсс настороженно обернулась. Увлеченные вещами, сироты не слышали доктора Довэ. И все же Тэсс дернула плечом:

– Да нет, вполне. И... ну, в общем, еще раз благодарю.

Она хотела отойти и для порядка порыться немного в тряпках, раз это делали все, но ла Довэ снова позвала ее:

– Тэсс, взглянем в окно?

– В окно? – непонимающе переспросила та, ловя себя на том, что опять рассматривает алое пятнышко среди завитков тяжелых черных волос. – Чего я там не видела?

– И все же давай взглянем в окно, – чуть более настойчиво сказала доктор.

Тэсс кивнула. Они повернулись к подоконнику, встав плечом к плечу. Тэсс честно принялась смотреть наружу: это была иллавар, сторона Восхода, и картина открывалась такая же, как и везде – туманно, скучно и сыро. Едва виднелись голые черные деревья. Повернув к ла Довэ голову, она встретила хитрый прищуренный взгляд:

– Гляди ниже. Еще ниже. Еще.

Только теперь Тэсс заметила еще одну вскрытую коробку на подоконнике – маленькую, размером не больше обувной. К верхней картонке крепилась записка, написанная неаккуратным убористым почерком. *«Что бы ни случилось, пусть девочки остаются девочками».*

– Что там? – тихо спросила Тэсс.

Доктор Довэ открыла коробку, и что-то тут же заблестело невероятным светом. Тэсс прижала ладонь ко рту, чтобы не завизжать от восторга. Украшения! Не деревянные, не из бусин, оторвавшихся от уродливой сорочки, не из гаек и не из ракушек. Настоящие сережки, подвески и кольца из желтого и белого металлов, с прозрачными и матовыми камешками всех форм и размеров. Прямо из Большого мира. Некоторые вещи выглядели старыми, некоторые – совсем новыми.

Тэсс тихо вздохнула:

– Чьи они?

– Теперь ваши. Крестные не подписывают свои подарки, – напомнила ла Довэ и подмигнула: – Выбери себе что-нибудь. Самая первая.

На самом деле, она поняла, что ей нужно, еще до того, как ей предложили. В первые же мгновения Тэсс присмотрела кулон в виде капли – с большим зеленым камнем в окружении множества белых. Совершенно восхитительный кулон, который невозможно было не заметить. У Тэсс быстро заколотилось сердце. Зеленая подвеска будто светила на фоне других. Такую вещичку урвали бы раньше, чем Тэсс успела бы моргнуть, попадись коробка на глаза остальных девчонок.

– Вот это, – она быстро повесила украшение на шею. Цепочка запуталась, и, поправляя ее, Тэсс в спешке выдрала несколько волосков.

Мади Довэ оценивающе посмотрела на нее:

– Славно. Может, еще что-то?

Тэсс помотала головой и запихнула подвеску под рубашку.

– Зовите остальных, ла. Пусть порадуются. Благодарю.

Доктор Довэ кивнула. Они вместе развернулись, и женщина повысила голос:

– Девочки! Вам прислали кое-что особенное! Подойдите сюда. Да-да, девочки, только девочки.

Тэсс отошла в сторонку, а потом, когда ла Довэ обступила разом дюжина воспитанниц, и вовсе вышла в коридор. Она решила подождать здесь Тауру, а пока заняться весьма приятным делом – рассмотреть свой неожиданный подарок со всех сторон и окончательно убедиться в его существовании. Определенно, Тауру еще придется расцеловать за то, что позвала.

* * *

Отойдя подальше, Тэсс забралась с ногами на широкий подоконник и вытянула цепочку из-под воротника. Зеленая капля в серебристо-белой оправе легла на ладонь и отразила тусклый дневной свет. Как называются такие камни? Тэсс не знала, она не разбиралась в драгоценностях. То, что носили в ушах и на пальцах некоторые воспитательницы, было трудно назвать этим словом. Можно было порыться в книгах, но изданиям с красивыми картинками Тэсс не доверяла. Она всегда предпочитала пособия с чертежами.

Тэсс наклонила голову, почти ткнувшись в камень носом, внимательно осматривая его со всех сторон. Ни царапины. Задняя сторона – плашка из белого металла – была чистой, только местами почернела от времени. Тэсс попыталась соскрести черноту ногтем, но не смогла и оставила все как есть. Затем снова повернула кулон камнем вверх и присмотрелась. Глубокая, густая, темная зелень, похожая на зелень морской воды. Необычный чистый оттенок. Если бы море плакало, его слезы выглядели бы, наверное, так. А белые маленькие камешки – это морская пена.

Тэсс немного наклонила подвеску и прищурилась. Ей вдруг показалось, что внутренняя сторона камня все же поцарапана. Дефект просматривался только под определенным углом – сорок пять к тому месту, где примерно должен был находиться в это время Зуллур. Царапины шли криво и постепенно обретали для Тэсс очертания, складываясь в рисунок. Рисунок корабля, который становился все четче и четче.

Она посчитала мачты – три, немного. Попыталась разглядеть носовую фигуру. На водных кораблях *зовай*, изредка проходивших мимо острова, или же пролетавших над ним воздушных *ай-ар*, она чаще всего видела одинаковые ростры. Длинноволосые девы, морские змеи, китрапы у одних; птицы и крылатые кони – у других. Здесь же было что-то иное, довольно неожиданное.

Ритм. Рыцарь. Кажется, так в древних преданиях Син-Ан – Великого Единства – звали воинов, окованных железными латами и носивших тяжелые шлемы.

– Что делает наша юная ле?

От звука знакомого голоса Тэсс едва не свалилась с подоконника. На всякий случай сунув кулон обратно под рубашку, она гордо вздернула нос и поправила:

– *Ла.* Ла, управитель.

С тех пор, как у нее начала расти грудь, Тэсс, как и многие старшие девочки, упорно протестовала против бесполого детского обращения «кле», но все время терпела поражение. Ее это сердило. Вот Тауру, которая, как и все в ее расе, развивалась быстрее киримо, многие звали *ла*. А ведь характером эта полукровка-шпринг как раз-таки осталась полнейшей *ле*, в отличие от Тэсс.

Но управитель Паолино придерживался по этому поводу вполне определенных взглядов. Подмигнув и привалившись спиной к подоконнику рядом с Тэсс, он заявил:

– «Ла» тебя будет звать твой мужчина.

Она фыркнула и с сожалением поглядела на него. Расслабленная поза ло Паолино свидетельствовала о том, что он не собирается никуда уходить и настроен поговорить. Его не ждуг никакие важные дела, а значит, он будет задавать свои обычные вопросы – глуповатые и странные.

Но он почему-то молчал. Тэсс смотрела на его молодой остроносый профиль и абсолютно седые пряди длинных волос до плеч. Лицо от одного человека, волосы от другого, манеры от третьего. Она в который раз задумалась, сколько ему может быть в юнтанах – полных циклах ветряных смен от ветра Сна до ветра Сбора. Тридцать? Тридцать пять? Сорок? Он одевался и вел себя так, что его было трудно причислить к воспитателям – людям в большинстве своем простым, блеклым, скучным. Среди них только Мади Довэ выделялась своей яркой красотой. И он. Паолино. Неизменный серо-синий воротник под горло, манжеты, которые хочется потрогать пальцами из-за тоненьких острых кружев, аккуратные безрукавки и брюки *кри* по фигуре. Ни единого пятнышка. Кольцо с большой жемчужиной на среднем пальце и прямая спина.

– Так что делает наша юная ле? – он снова подал голос, слабо улыбаясь.

В его взгляде не было ничего настораживающего. Он выражал интерес и заботу, но оставался грустным, как у пойманной рыбы.

Тэсс это не нравилось.

– Я жду подругу, – пробормотала она и ткнула пальцем в сторону двери. – Крестные прислали вещи.

– Крестные... – медленно повторил он и посмотрел на океан. – Славно. А ты взяла что-нибудь?

– Ага, – кивнула Тэсс, не вдаваясь в подробности. – Благодарю. Ну... вообще за то, что у нас есть крестные.

Он нахмурился:

– Это совсем не то, за что стоит благодарить.

Тэсс не успела ответить: голубые глаза поймали ее взгляд, и по спине отчего-то побежали мурашки. В его фразе явно был какой-то подтекст, но времени обдумать его у нее не было.

– Что у тебя под рубашкой?

– Что это вы имеете в виду? – она поджала коленки поближе к груди и постаралась спросить как можно более резко, но смутить управителя у нее не получилось. Он лишь повторил свой вопрос и уточнил:

– На цепочке.

Отнимет. Точно отберет, сказав, что детям такие вещи не нужны, слишком большая почесть. Надо было оставаться в комнате, с доктором Довэ, тогда бы она не попалась на глаза этому ненормальному с его взглядом доброй рыбы, которую вот-вот сварят. Тэсс уныло потянула цепочку, в то время как внутри все подрагивало от обиды. Зеленая капля блеснула, в грани камня отразилось бледное лицо в обрамлении седых волос.

– Вот как... даже странно...

В выражении его глаз что-то опять поменялось. Добрую рыбу все-таки бросили в котел.

– Что странно?

Управитель не ответил. Он не сводил глаз с украшения.

– Тэсс. Откуда это?

По имени?! Она не ослышалась? Ло Паолино назвал ее по имени?

– От крестных! – быстро ответила она. – Откуда же еще?

Следующие слова прозвучали членораздельно и тихо:

– Дай сюда.

Он не схватился за цепочку, а только подался вперед, хищно упирая ладони в подоконник, и нахмурился:

– Быстро. Тебе нельзя это держать. Ле не может иметь такие вещи! Под Кровом все равны.

Он пристально смотрел на Тэсс. Глаза угрожающе сузились, и все же в раздраженном тоне ей вдруг почудилось что-то... неискреннее. Но она не успела ничего обдумать, а только лишь отползла подальше и мотнула головой. К горлу подкатывал неприятный ком:

– Но у меня никогда такого не было... Управитель, пожалуйста...

– Как ты думаешь, почему? Дай его сюда.

– Вот еще! – вспылила она, чувствуя, что у нее щиплет в глазах. – Это не ваше!

– Тэсс, тебя выпорют, как младших ле! – управитель повысил голос, от резких движений его седые волосы слегка растрепались.

В это мгновение Тэсс почудилось знакомое ворчание и отдаленный шум. Она поняла, что нужно тянуть время. Просто потянуть время.

– Да пожалуйста, попробуйте отнять!

Управитель замер. Но тут же очнулся.

– Ты понимаешь, кому дерзишь? – зашипев, он сдвинул ее сжатый кулак. – Отдай мне кулон. Сейчас же!

Свободной рукой она схватила его за плечо, отпихивая подальше. Глаза заволокло слезами, но рокот из другого конца коридора становился все громче, отчетливее. И тут Тэсс, набрав в грудь воздуха, громко завопила:

– Ма-арч!

Управитель все-таки разжал ее пальцы. Не сумев сдержаться, Тэсс всхлипнула и почувствовала, что по ее щекам бегут слезы, капая на зеленую поверхность камня. Тут же маленький самолет, приблизившись и описав дугу, ударил Паолино крылом по длинному изящному носу – отчетливо раздался крайне неприятный хруст. Таура, как раз вышедшая из комнаты, уронила на пол стопку вещей, вскрикнула и громко спросила:

– Что происходит? – Ее уши встали торчком и тут же пугливо прижались к голове. – Тэсси? У... управитель?

У Тэсс шумело в голове, как если бы Марч ударил не ло Паолино, а ее. Сначала она попыталась сфокусировать взгляд на замершей подруге, но спохватилась и уставилась на управителя. Мужчина стоял, упираясь ладонями в подоконник. Он низко наклонил голову, так что седые волосы почти закрыли лицо, а кровь, одна или две капли которой вроде бы попали на кулон, теперь заливала рубашку.

– Ох...

Больше Тэсс ничего не смогла сказать. Только сейчас она осознала весь ужас своего поступка. Она нагрубила управителю! И не просто нагрубила, а еще и натравила на него своего домашнего любимца. Если нос у Паолино сломан, розги, пожалуй, – очень мягкое наказание даже по собственным меркам Тэсс. Паолино никогда не повышал на нее или на кого-либо голоса, а она...

– Ло... – Она сама потянула к управителю руки. – Простите, простите, пожалуйста, я не хотела. Поднимите голову, а то будет хуже!

То ли подчинившись машинально, то ли осознавая ее правоту, Паолино выпрямился. Его глаза встретились с глазами Тэсс, которая держала ладони на резких, выступающих скулах. На бледном молодом лице, перепачканном кровью, не было и следа недавней злости.

– Вам очень больно? – У Тэсс сорвался голос.

Кровь продолжала течь, хотя нос вроде бы не выглядел сломанным. Паолино улыбнулся.

– Все хорошо, ле. Не волнуйся. Теперь все хорошо.

Почему-то Тэсс задрожала всем телом. Снова в происходящем было что-то подозрительное, и это беспокоило ее. Кажется, и Таура тоже что-то чувствовала... Живая и подвижная шпринг, обычно не дававшая каким-либо странным событиям происходить без ее участия, так и застыла с прижатыми ушами над своей кучкой одежды. Если бы у Тауры был хвост, как у чистокровных представителей ее расы, этот хвост бы наверняка метался из стороны в сторону.

Управитель внимательно посмотрел на замерший на подоконнике самолет:

– Умница...

Тэсс не понимала, кому он это говорит. Она опустила руки и быстро схватилась за кулон – абсолютно сухой, будто слезы и кровь мгновенно впитались в камень.

– Заберите его, если хотите.

Но Паолино только покачал головой:

– Не надо, Тэсс. Забудь все, что я сказал. Забудь.

– Управитель!

К ним наконец подлетела Таура и с беспокойством заглянула Паолино в лицо:

– Ну и вид у вас. Вот, возьмите, возьмите!

Она протянула мужчине свой платок, и он, улыбнувшись, прижал его к носу:

– Благодарю от всего сердца, ла.

Его голос прозвучал чуть гнусаво и глухо, но Таура тут же покраснела, а острые ушки опять оживленно приподнялись.

– Давайте я провожу вас к доктору Довэ, она вам сделает примочку, или я могу сама, я умею... – пролепетала она. – Вы весь... совсем... в крови...

Тэсс, не выдержав, усмехнулась и почувствовала на себе сердитый взгляд. У Тауры были причины злиться. Шпринг – видимо, вследствие своей природы – всегда смущалась рядом с существами противоположного пола, но рядом с управлителем – как-то особенно. У нее даже заблестели глаза, став еще ярче. Но ло Паолино только покачал головой:

– Нет необходимости. Идите. Я вас не задерживаю. Не забудь вещи, Таура.

Он развернулся и быстро пошел по коридору прочь, в сторону ведущей наверх лестницы. К ла Довэ он явно не собирался. Теперь о случившемся напоминали лишь следы крови на подоконнике.

Подруги поспешили подобрать с пола одежду, радуясь, что больше никто не появился, и направились к своей спальне. Было совсем тихо, только под потолком рокотал самолет. Тэсс настороженно помалкивала, видя, что Таура то кусает, то поджимает губы. Тэсс ждала небольшого урагана. И он начался:

– Зачем ты его побила, Тэсси? – Вибриссы дрогнули.

– Это не я, – честно ответила Тэсс. – Это Марч.

– Он сам ничего не начинает.

– Он меня защищал.

– А что Паолино с тобой делал?

Забудь все, что я сказал. Забудь.

Тэсс замялась и все-таки сказала:

– Хотел... кое-что отобрать.

Таура нахмурилась, явно истолковав это объяснение по-своему, и Тэсс поспешила показать ей зеленую подвеску:

– Сказал, что для меня это слишком дорогая вещь. Ну-у, а потом вроде бы как передумал, когда получил в нос от Марча.

Шпринг сердито фыркнула. Она закатала рукав рубашки и показала браслет с красными камнями.

– Тогда хорошо, что он этого не видел. Он иногда немножко... зануда.

Тэсс не подозревала, что даже это слово можно произнести с восхищенным придыханием.

– Из той коробки? – уточнила она.

– Да, доктор Довэ дала. Там столько было всего красивого, ты видела, да?

Тэсс кивнула и наклонилась.

Круглые камни в золотой оправе были так же аккуратно огранены, как и зеленая капля. Чуть повернув запястье подруги, Тэсс присмотрелась – никакого скрытого рисунка. Удовлетворенно хмыкнув, она заявила:

– А мое интереснее. Там кое-что есть внутри, хочешь посмотреть?

– Ну, давай, – с некоторым сомнением согласилась Таура.

Подруги подошли к другому окну – последнему перед поворотом, ведущим на *риц*, Холодную сторону. Тэсс взяла кулон в ладонь и повернула под нужным углом к Зуллуру.

– И что? – Таура сощурилась. – Блестит красиво.

– Корабль, – прошептала Тэсс. – Ты видишь его? С рострой-рыцарем!

Шпринг недоуменно мотнула головой. Тэсс пригляделась. Но зеленая, как слеза моря, подвеска была абсолютно пустой и чистой.

* * *

В тот же вечер на остров Четырех Ветров опустился туман. К берегу что-то причалило, чудом не разбившись о скалы. В блеклом мареве показались три длинных прямых мачты.

2. Мертвец

– Домой. Все назад, назад! Кому я сказал?

Мачты заметил первым, конечно же, Джер, проблемный воспитанник Крова, о Выпуске которого мечтали все без исключения. И именно Джер своим воплем, призывающим немедленно пойти на улицу, разрушил и без того хлипкое спокойствие вечера.

Теперь ло Фелинстер, старший воспитатель, предостерегающе размахивал руками и сердито кричал, но отогнать ребят от края берега, где село на мель таинственное судно, было совсем не так просто. Здесь слишком редко видели хоть что-нибудь из Большого мира, чтобы тут же разойтись, не обсудив произошедшее и не высказав пары десятков предположений.

Корабль прибило к скалам, когда небо уже нахмурилось и потемнело. Начиналась третья, последняя, вахта – темное время, которое старшие ле проводили обычно в теплых комнатах. За книгами, уроками и запрещенными уставом занятиями, милостиво не замечаемыми воспитателями: вроде курения сушеных *бурабари* и азартных или неприличных игр. Но сегодня все пошло не так.

– Надо позвать ло Паолино... – чуть ли не проскулил Фелинстер. – Пусть он их разгонит.

Доктор Мади Довэ, поднявшая воротник до самых глаз, пробормотала:

– Странно, что его еще здесь нет. И другое странно...

С этими словами она подняла руку, в которой держала масляную лампу, и сначала медленно, а потом быстрее покачала ею из стороны в сторону. Желтое сияние слабо забило, но почти сразу же дымка сгустилась, поглощая огонек. С корабля никто не сошел и не просигналил, на нем не было видно фонарей или еще хотя бы чего-то, что говорило бы о наличии на борту живых существ. Палуба оставалась темной и тихой, ничего не светило и со стороны кают-компаний.

Паруса были аккуратно спущены, снасти дрябло болтались, как руки еще не оконченного мертвеца. В «вороньем гнезде»¹ располагалось настоящее гнездо, свитое морскими красноголовыми *такарами* из подсушенных водорослей и укрепленное затвердевшей солью. Гнездо казалось очень старым, точно в нем успело вырасти и встать на крыло не одно поколение этих птиц. Близорукий старший воспитатель вряд ли заметил этот птичий домик, а вот Тэсс, стоявшая с Ласкезом впереди, видела его отчетливо. Но гнездо мало ее занимало, – точно меньше, чем роста.

Она не ошиблась. На носу находилась фигура рыцаря, и у этого рыцаря был то ли рыбий, то ли змеиный хвост, который, изгибаясь, тянулся вниз, исчезая под водой. Тэсс не могла поверить своим глазам.

– Ласкез, я его знаю... – прошептала она. – Это судно...

Брат повернул к ней голову:

– Откуда?

«С моей подвески», – чуть не сказала она, но вовремя покосилась на недоверчивое лицо и пробормотала:

– Ну... он мне снился, кажется.

Ласкез не успел ей ответить – в тумане отчетливо раздался хриплый вопль:

– Э-эй! На борту!

Джер, коротко хлопнув Ласкеза по плечу, отделился от нерешительной группы ребят и воспитателей и теперь стоял, уперев руки в бока с угрожающим видом. В тумане его коренная фигура сама казалась продолжением скал. Тэсс заметила прямую белую полосу в

¹ Наблюдательный пост на мачте судна в виде прикрепленной к ней бочки. (Ред.)

черных жестких волосах – тянущуюся от лба до затылка и, вероятно, продолжающуюся на спине.

– Приятель, может, ты не будешь нарываться?

Ласкез сделал шаг. Джер, полуобернувшись, лишь презрительно хмыкнул и оскалил довольно крупные заостренные зубы.

– Ха.

Джер, как и Таура, был полукровкой. Он принадлежал к двуногой расе *лавиби*, произошедшей от барсуков. Трудно было объяснить, как представитель этого преимущественно подземного, замкнутого и нелюдимого народа оказался наверху, да еще и в Малом мире, под Кровом. Впрочем, вряд ли Джер с его довольно скверным и беспокойным нравом прижился бы среди работающих, спокойных лавиби, к которым он думал примкнуть после Выпуска. С чистокровными представителями его расы Джера роднили только телосложение, форма зубов и черно-белые клочки короткой шерсти, идущие от нижних век и сливавшиеся с волосами.

Джер дернул носом, сделал шаг в воду и, вздернув небритый подбородок, приложил руки ко рту:

– Э-эй! Если не отзоветесь, я поднимусь и намылю вам шеи со всем имеющимся у меня гостеприимством!

Тэсс фыркнула: она, конечно, заметила, что, произнося последнюю фразу, Джер косился на доктора Довэ, выступившую вперед с явным намерением его остановить. Предпочтения и привязанности у этого дружка Ласкеза, чуть более ненормального, чем все остальные, были устоявшиеся.

С корабля не отвечали. Только тихо поскрипывали мачты.

– Ле Джер, назад.

Но это сказал ло Фелинстер, а Мадри Довэ молчала. И Джер не отошел. Наоборот, шлепая по воде, он решительно направился вперед.

– Я заберусь на борт и посмотрю, что там! – заявил он.

«Самец ухаживает за самкой и демонстрирует ей свой хвост и свою смелость», – вяло подумала Тэсс, но не стала делиться наблюдением с братом. Вместо этого она тоже пошла вперед, по берегу. Ла Довэ схватила ее за руку:

– Не надо. Давай подождем.

У Тэсс было на этот счет свое мнение, но она решила послушаться. Вдвоем с доктором они осторожно подошли к самой кромке воды, Ласкез и еще несколько старших тоже приблизились. Туман над водой, казалось, становился все гуще.

Джер тем временем с легкостью добрался до корабельного носа. Его замысел был вполне понятен: витой чешуйчатый хвост ростры отлично подходил для того, чтобы за него вскарабкаться, особенно ловкому и сильному полукровке-лавиби. Джер еще раз обернулся и махнул всем – впрочем, скорее всего, только ла Довэ и Ласкезу, – рукой. Останавливать его было некому: Фелинстер, по-видимому, убежал звать на помощь управителя, а остальных происходящее вполне устраивало.

Джер, мотнув головой, сделал последний шаг. Тэсс наблюдала. Лавиби крепко схватился за деревянный хвост, поднял ногу и, подтянувшись, забрался на первый изгиб. Юноша задрал голову, прикидывая расстояние, и потянул руку в поисках новой опоры. Он преодолел второй, более широкий виток хвоста, и теперь был довольно высоко.

Кажется, дальше Джер собирался оттолкнуться и одним красивым прыжком оказаться у воина на плечах. Для этого он крепко впился в край щита, зажатого в приподнятой руке фигуры, и напрягся. Можно было не сомневаться: ему удастся. Но...

Что-то пошло не так.

Тэсс испытывала подобное всего раз, три или четыре юнтана назад, но ни за что не перепутала бы это ощущение с чем-либо другим. Оно не поддавалось описанию и больше всего походило на Зуллур, который восходит прямо у тебя внутри, наполняя лучами, но не теплыми и приветливыми, а жгучими и предупреждающими. Так было, когда только что отстроенный, еще даже не покрашенный Марч сам поднялся в воздух, а потом опустился на голову своей создательницы. Доктор Довэ говорила, что все Зодчие *чуют* это, когда...

– Джер! – закричала Тэсс, бросаясь к воде. – Назад, спрыгивай, это...

...живая вещь.

Закончить Тэсс не успела.

Крупная ростра внешне хоть и осталась деревянной, но на самом деле уже не являлась таковой. Тэ проснулась, заполнив твердый остов, дав ему призрачные кости и мышечную силу. Окованная броней рука пришла в движение и взметнулась. В этой руке был меч.

Кто-то в толпе взвизгнул, а потом завопил. Тэсс все еще бежала и увидела, что доктор Довэ и Ласкез догоняют ее. Теперь они неслись вперед втроем, отдавая себе отчет, что оружие всегда оказывается быстрее человеческих ног, тем более в воде. Споткнувшись и упав, Тэсс крепко зажмурилась, но тут же упрямо раскрыла глаза.

Неожиданно движение меча замедлилось. Деревянное лезвие тихо прошло туманный воздух. Оно подцепило Джера, пытавшегося забраться повыше, за шиворот и, подержав на весу несколько мгновений, мягко и плавно кинуло в сторону троих спешивших на помощь. Раздался всплеск. Лавиби продолжил сыпать ругательствами, даже когда его включенная голова ненадолго ушла под воду. Ростра опять замерла без движения.

– Джер!

Он пытался встать, отплевываясь и встряхивая промокшими волосами. Юноша оторопело глядел на корабль, волны то и дело били его по лицу.

– Оно... меня... тьфу...

– С тобой все хорошо, милый?

Ла Довэ опустила руку на его плечо, и он осекся. Его лицо приобрело блаженное выражение, которое, впрочем, быстро исчезло, сменившись чисто барсучьей злостью:

– Да я его сейчас...

– Выпусти пар. – Ласкез подхватил друга под вторую руку, и совместными усилиями полукровку-лавиби поставили на ноги. – Оно явно не хочет с тобой знакомиться. Правильно я все понимаю, Тэсси? Тэсси?

Тэсс рассеянно кивнула, отреагировав скорее на интонацию. Вопросы она даже не разобрала.

Она не отрывала глаз от высившегося впереди трехмачтового существа, обманчиво неподвижного. Теперь, оказавшись ближе, Тэсс могла рассмотреть не только гнездо такар и ростру. Она видела кое-что еще, о чем раньше ей доводилось лишь читать. Строчки старой книги послушно всплывали в памяти.

...Это медленный, мучительный и практически необратимый процесс. Живые вещи, потерявшие своих Зодчих, умирают, постепенно теряя всю свою тэ, а значит, разум и движущую силу. Приблизиться к ним опасно, так как они, как правило, стремятся причинить чужаку вред. Такие вещи легко узнать издали по дрэ – тонким нитям, идущим через весь корпус предмета. Дрэ можно принять за следы паутины или изморози, но на самом деле это не что иное как последствия трупного разложения. Они...

Полупрозрачные, действительно похожие на паутину, лед или разводы соли, дрэ змеились по обшивке корабля, достигая мачт. От одного взгляда на них Тэсс передергивало. Ее тошнило, как если бы белые нити покрывали ее собственную кожу.

– Тэсси? – снова позвал Ласкез.

Очень медленно она двинулась вперед, не сводя глаз с ростры и протягивая руку, как если бы шла к любому дикому животному, скалящему на нее зубы. Она хорошо понимала, что разница не так велика.

Тэсс и корабль разделяло не больше пяти шагов, вода уже была почти по пояс, когда за спиной раздался знакомый зычный голос:

– Ле Ва’ттури, немедленно назад!

Ва’ттури, «ветер-сирота», – это фамилия всех воспитанников. Но Тэсс поняла, что зовут именно ее, и обернулась. Управитель Паолино стоял у самого края берега. Он помогал доктору Довэ выбраться из воды по крутым камням. Напряженный, сердитый взгляд был устремлен поверх черноволосой головы женщины на Тэсс и только на нее. И она решила, что лучше послушаться сразу: прошлый спор с управителем кончился очень плохо, странно, что в ход еще не пустили плеть.

Тэсс уже развернулась, собираясь выбраться на берег, когда...

– Марч!

Маленький самолет, по-видимому, встревожившись, отправился на поиски своей создательницы. Теперь его низкое жужжание заполнило воздух, перекрывая гул голосов. В сердитом настроении Марч мог рокотать почти как большие машины, и Тэсс сразу его услышала. Подняв голову, она увидела самолет и, будучи уверенной, что, как и обычно, Марч вот-вот усядется ей на голову, готовилась сказать ему что-то в свое оправдание. Но он пролетел над хозяйкой, даже не снизившись.

– Эй ты, ко мне! Марч!

Самолет не обратил на Тэсс никакого внимания. Он достиг мачт мертвого корабля, взмыл к «вороньему гнезду» и опустился там. Рокотание стихло.

– Ма-арч!

Тэсс продолжала стоять на месте. Ноги у нее нестерпимо ныли, вся одежда уже вымокла и пропиталась солью. Но ее это мало беспокоило, настолько ей было страшно.

– Ле Ва’ттури! – снова позвал ее Паолино. – Выходи из воды!

Тэсс не ответила. Краем глаза она увидела, что управитель, сказав пару слов доктору Довэ, медленно идет вперед.

– Марч! – Тэсс приложила ладони ко рту. – Сюда! Лети сюда!

Самолета не было видно в тумане, который становился все гуще и выделялся своим белым цветом даже в сумерках. Тэсс сделала плавный вдох и пошла к кораблю. Медленно, едва передвигая окоченевшие ноги и снова протягивая руку вперед. Тэсс продолжала повторять имя Марча, но уже совсем тихо, дрожа. Она чувствовала, что ее губы посинели. Пройдя еще немного, Тэсс остановилась под рукой рыцаря и снова громко позвала.

Марч не хотел возвращаться. Или не мог. Голова ростры начала медленно склоняться, и наконец она произнесла что-то – тихо, но достаточно членораздельно. Тэсс словно окаменела. Она не смогла пошевелиться, когда снова пришли в движение окованные деревянной броней руки...

– Тэсс!

Управитель поравнялся с ней и толкнул ее вниз – они еле увернулись от удара. Тэсс почувствовала руку на своих плечах, тяжесть одежды потянула ее ко дну, но Паолино тут же дернул девушку за собой, заставляя плыть. Они одновременно вынырнули в пяти-шести шагах от места, где обрушился удар, и жадно вдохнули туманный холодный воздух.

– На берег, – коротко велел мужчина, но Тэсс, лихорадочно цеплявшаяся за его размокший воротник, прохрипела:

– Там остался мой Марч!

Управитель в упор посмотрел на нее светлыми холодными глазами, едва видимыми из-за прилипших к лицу волос:

– Я кому сказал? Назад! Я и так не уверен, что ты справишься после такого переохлаждения.

– Но...

Он помог ей встать и, взяв за руку, поволок за собой к прибрежным камням. Тэсс упиралась. Паолино обернулся и пообещал:

– Завтра мы придумаем, как его вытащить. Обязательно придумаем.

Тэсс бросила взгляд на неподвижный корабль:

– Но он может уплыть с ним...

Паолино, шурясь, всматривался в горизонт, потом перевел взгляд на окончательно потемневшее мутное небо с размытыми пятнами трех Серебряных яблок. Он ободряюще улыбнулся:

– Не уплыет. Думаю, погода не располагает. А если и уплыет, Марч сам не захочет там оставаться.

– А вдруг...

– Тэсс. – Его пальцы крепче сжали ее запястье.

Управитель больше ничего не произнес, но она поняла: спорить бессмысленно. Мокрая и замерзшая, она выкарабкалась на берег. Паолино, тоже вымокший насквозь, даже не дрожал. Его худая прямая фигура выделялась на фоне его подопечных, а лицо оставалось непроницаемым. Он твердо произнес:

– Расходимся спать.

Таура отдала Тэсс свой подбитый мехом долгополый дук, и та закуталась в него, устало жмурясь. Ее лицо покрывала теперь соль, а волосы и ресницы стали жесткими. Тэсс без конца кусала губы, в то время как полукровка шпринг тихонько мурлыкала рядом:

– Ну, не волнуйся, вернется твой самолет. Все хорошо. Пойдем.

У Тэсс не было сил повернуться к кораблю, и она покорно пошла, сопровождаемая огромной толпой других воспитанников. От них исходило приятное тепло, ведь никто из них не был в воде. Ласкез, менее вымокший, чем сестра, держал руку у нее на плече. Мади Довэ шла с Джером впереди. Можно было не сомневаться: он уже выпросил у нее примочку, или повязку на лоб, или еще что-нибудь, что позволит ему ненадолго спуститься в пропахший травами и лекарствами маленький кабинет доктора и там задержаться.

А управитель Паолино так и остался стоять на берегу и смотреть вдаль.

Почему Марч полетел к кораблю? И не показалось ли Тэсс, что рыцарь действительно кое-что прошептал ей, прежде чем напасть? Фраза была короткая, это могло и почудиться ей. Но все же слова гулко отдавались в голове.

Приходи одна.

Тэсс задавалась множеством вопросов и все вертела и вертела в пальцах зеленую подвеску. Края камня казались в темноте острыми и четкими, куда менее гладкими, чем днем. Рука девушки дрожала.

– Красивая вещь. – Ласкез бросил на каплю внимательный взгляд. – От крестных, что ли?

– Да, – безразлично ответила Тэсс.

– Мне кажется, я видел ее раньше.

– Где?

Ей было почти все равно, что он ответит. Но от услышанного она едва не споткнулась:

– У нашей мамы. До того, как нас отдали.

3. Кошка в тумане

Тэсс совсем не помнила родителей: ни лиц, ни прикосновений рук, ни запахов, ни голосов. Ласкез говорил, что в его памяти возникают иногда какие-то обрывочные детали. Конечно, брат мог и вправду запомнить зеленую каплю в обрамлении белых камешков, но мог и все перепутать. И тем не менее все это не давало Тэсс покоя.

Вечер она провела под тремя одеялами, ее отпаивали горячим *трэмом*, пахнущим ягодами и душистой травой. Это был лучший сбор из всех, что имелись в приюте, но даже он не слишком помогал. Тэсс думала о Марче, оставшемся на незнакомом корабле в сыром тумане. Возможно, его удерживали там насильно. Наверняка он испугался.

– Взбодрись, сестренка. – Ласкез, уходя в «Гнездо», потрепал ее по волосам. – Думаю, Паолино тебя надул и не станет ничего доставать, но сами-то мы не будем сидеть сложа руки и отправимся туда, когда станет светло.

Тэсс промолчала, зато Таура тут же возмутилась:

– Ло Паолино держит свои обещания!

Ласкез фыркнул, после чего закрыл за собой дверь. Мойра, Таура и Минди снова обступили Тэсс. Но она, не желая с ними разговаривать, отвернулась к стене.

Под их тихое тревожное перешептывание она забылась сном и меньше чем через полчаса проснулась в абсолютной тишине. За окном виднелось серое небо, чуть подсвеченное кнizu: Зуллур уже начинал подниматься, но его младшие сестры – звезды – еще не ушли и слабо подмигивали Тэсс из туманной дымки. Их было едва видно.

Какое-то время она лежала неподвижно, пытаясь навести порядок в собственных мыслях, где переплелись и запутались разнообразные детали: подвеска, мама, Марч, дрэ, обреченный взгляд Паолино и множество других странных вещей. Мысли лезли одна на другую, и ни одну из них не получалось додумать до конца. Тэсс знала это состояние – так бывает, когда недостаточно долго спишь, – и не любила его. К тому же чем дольше в нем пробудеешь, тем труднее будет снова заснуть. Среди вспыхивающих в сознании фраз, не несущих никакого смысла, чаще всего мелькала одна.

Приходи одна. Приходи одна. Приходи одна.

Смирившись с тем, что не уснет, Тэсс свесила ноги с кровати.

Она не знала, верить ли обещаниям ло Паолино так, как верила им Таура. Она просто собиралась отправиться на помощь своему самолету. Кто, если не она?

– Эй, ты куда?!

Шпринг, свернувшаяся калачиком поверх одеяла, проснулась, когда Тэсс натягивала вторую теплую кофту.

– Спи, никуда. – Она быстро прижала палец к губам.

Но Таура уже села на кровати и продолжала смотреть на подругу; в темноте зеленые глаза полукровки слабо бликовали. Вибриссы, благодаря которым шпринг, видимо, и уловила почти бесшумные движения соседки по комнате, наверняка подрагивали, как и уши.

– За Марчем?

– Да. – Тэсс обулась в свои простые старенькие *вольды* с тонкими полосками меха и затянула шнурки потуже.

– Подожди до утра. Ло Паолино...

– Это еще полвахты. А Марчу наверняка страшно.

– Да откуда ты знаешь? – Таура всплеснула руками. – Может, он просто счастлив, что нашел живого собрата?

– *Умершего* собрата, ты хочешь сказать? – уточнила Тэсс. – Зодчий этого корабля мертв, Таура, и корабль тоже скоро умрет. А это очень опасно. Для всех. Спи, я пошла.

Шпринг, кажется, побледнела. Она быстро соскочила и начала шарить под кроватью в поисках брошенной еще вчера одежды.

– Сказать мне такое и решить, что я тебя пущу одну? Ты такая тупая, Тэсс!

– Хватит, больно ты мне нужна. – Она сделала шаг к двери. – К тому же...

Приходи одна.

– Тэсс, я орать буду! – Шпринг уже абсолютно бесшумно скакала на одной ноге, нервно дергая ушами и натягивая штаны. – Всех перебуду. Минди и Мойра еще больше шума поднимают!

– Но у меня будут проблемы...

– Явно меньше, чем если ты полезешь к *такому* кораблю одна!

– Таура... – вздохнув, Тэсс вспомнила о последнем доводе, который у нее был, – ты же боишься воды. Чем ты мне поможешь?

Волосы шпринг зашевелились, невольно она передернулась от отвращения, но переборола себя и хмыкнула:

– Справлюсь! Это хороший повод начать преодолевать свой страх. Так что стой на месте и жди. Только попробуй удрать!

В конце концов, подругу можно оставить на берегу, за скалами, караулить взрослых или еще кого-нибудь. Про себя Тэсс обрадовалась, но Тауре немедленно скорчила рожу:

– И что ты вечно...

Таура только замурлыкала, довольная, что настояла на своем.

* * *

Девушки покинули комнату и пошли по коридору, прислушиваясь к абсолютной, почти осязаемой тишине. Вскоре Таура уже ловко съезжала по длинным витым перилам, а Тэсс бежала по лестнице, пытаясь угнаться за шпринг и на всякий случай то и дело озираясь. Пройдя еще немного, они оказались в холле, пересекли его и, повернув ключ, толкнули широкие прямоугольные створки. Теперь, когда по соседству давно уже не было чужаков, выйти ночью из приюта не составляло труда. И это вряд ли было опасно... так думала Тэсс, ровно пока не увидела перед собой белое марево.

Туман сгустился и отяжелел, за ним едва были видны деревья ближней рощи, отделявшей Кров от береговой линии. Даже младшие сестры Зуллаура, еще недавно слабо подмигивавшие Тэсс, стали еще более расплывчатыми и мутными.

– Как странно... – прошептала она, – давно такого не было.

Хотя *один раз было*, она точно помнила, но не стала сейчас об этом думать – ее больше тревожило другое:

– Как мы найдем дорогу?

– У тебя же есть я, – Таура ухмыльнулась и прижала к голове правое ухо, затем левое, потом тронула себя пальцем за один из вибриссов: – Они подскажут нам и тропу, и расположение камней, и то место, где стоит корабль. Пошли.

Цепляясь за ее руку, Тэсс сделала шаг и тут же услышала:

– А ты не хотела меня брать. Я же всегда права, ты что, забыла? Шпринг значительно умнее вас, киримо, хотя ты еще ничего.

За этими заявлениями (довольно, кстати, наглыми) опять последовало тихое довольное мурлыканье. Тэсс не стала спорить, зная, что Таура так и так останется при своем мнении. Что поделать, это характерная черта ее народа.

Девушки замолчали. Таура была права: едва в тумане показывалось очередное дерево, или холм, или муравейник, Тэсс узнавала местность. Значит, они шли правильно. А вскоре они услышали размеренный шипящий плеск, а их ноздри острее защекотал соленый запах:

океан был уже близко. Тэсс приободрилась. Но тут же когтистая рука шпринг больно впилась в ее руку:

– За нами кто-то есть.

Тэсс напрягла слух и не услышала ничего, кроме сонного и монотонного звука шумящей в отдалении воды. Но Таура уже настойчиво тянула подругу за собой к группке горбатых уродливых валунов, поросших густым мхом. Тэсс не сопротивлялась. Девушки затаились в большой нише, прикрытой гибкими завитками *лопи* – ползучего растения с длинными листьями, неизменно стелившегося там, где рос мох, и питавшегося им.

Поначалу стояла тишина.

Наконец Тэсс различила шаги и голоса. Мужские голоса, которых, кажется, было два, Тэсс с легкостью узнала:

– Да конечно, мы его достанем, я просто вчера малость растерялся. О, вода уже рядом.

Это говорил Джер, чутко подергивая носом. На нем было что-то темное и непромокаемое. Ласкез, одетый так же, шел с ним рядом и явно беспокоился:

– Хорошо. А то Тэсси вскочит засветло и ринется туда. На ней и так совершенно нет лица из-за этой деревянной курицы.

– А я бы оставил самолет себе, – неожиданно заявил лавиби, и Тэсс похолодела.

– Он бы от тебя *ничего* не оставил, приятель, – хмыкнул Ласкез. – Живую вещь так просто не удержишь, или с ней случится то же, что и с этой приплывшей развалюхой.

– А что с кораблем? – Джер прищурился, глядя вперед. – Дерется он будь здоров.

– Он мертвый, как сказала Тэсс.

Лавиби резко остановился, будто с размаху на что-то налетев, и недоуменно посмотрел на Ласкеза:

– Тогда бы он не ударил меня и твою сестру с управителем.

– Нет, *мертвый* не в том смысле. Был живой, потом потерял хозяина, а теперь умирает и скоро умрет, вот так. У них, этих живых штук, всегда так. Их тэ редко может принять нового хозяина, если Зодчий этого не хотел. Не *отвязал* вещь, чтобы, например, ее продать или подарить.

– Вот как... значит, корабль расстраивается потому, что его Зодчий ушел?

– Умер или бросил его, но скорее первое. Такие вещи непросто оставить, они всегда идут за теми, кого любят.

Джер задумался, склоняя голову. Наблюдать за его скуластым небритым лицом в этот момент было крайне забавно. Тэсс приглядывалась так и эдак, пытаясь понять, что в истории неизвестного корабля могло тронуть и впечатлить лавиби, вообще-то не отличавшегося ни особым умом, ни чувствительностью. Неожиданно Джер опять беспокойно задергал носом, вскидываясь:

– Ой. О-ой. Чую кошатинку рядом. Эй. Эй, Таура, выходи!

Говоря это, он повернул голову к валунам. Девушки переглянулись и вылезли из своего укрытия. При виде Тэсс Джер, казалось, смутился и пробурчал:

– Да не собирался я его у тебя красть.

Тэсс, решив не обращать на него особого внимания, посмотрела на Ласкеза:

– Ты что, хотел это сделать для меня? Вытащить Марча?

Ласкез покраснел, что бывало с ним не слишком часто, и пожал плечами:

– Да просто заодно поближе глянуть на эту громадину. Я был уверен, что у тебя уже распух нос и начался жар, а нашу курицу надо спасать. Нет, это не потому, что я за тебя волновался или... в общем, иди к ветрам, Тэсси, что ты вообще сюда притащилась?

Тэсс потрепала его по волосам и улыбнулась:

– Дурак.

– Оторвите мне хвост, это так трогательно, – хмыкнул Джер, глядя на брата и сестру. – Слушайте, давайте вы потом друг друга облизете?

Он не имел в виду ничего обидного, и только поэтому Тэсс не лягнула его в коленку, просто напомнив:

– Наш народ, в отличие от вашего, не облизывает родственников. Да вообще никого не облизывает, это же... противно.

Таура с сомнением перевела взгляд с нее на брата и облизнулась: ее раса тоже не видела в подобном проявлении благодарности и расположения ничего противоестественного. Джер фыркнул, потом мечтательно прикрыл глаза. Догадавшись, что и кого он себе представляет, Тэсс все-таки наступила ему на ногу:

– Эй это тоже не понравится, уж поверь, она очень аккуратная.

– Кто знает...

Впрочем, Джер предпочел сменить тему. Деловито кашлянув, он поинтересовался у Ласкеза:

– А что мы будем делать? Старина, предлагаю услать самок спать.

– Самки не пойдут спать! – возмутилась Таура.

– Девушки, а не самки! – возмутилась вслед за ней Тэсс. – И вообще-то Марч – мой самолет, именно я буду его доставать, вам он даже в руки не дастся!

Юноши переглянулись. С последним аргументом было сложно спорить, но Ласкез все же попытался:

– Ну, может, ко мне...

– Нет. – Тэсс твердо покачала головой. – Я пойду сама. Хотите – идите со мной...

– С нами, – поправила Таура.

– С нами. Но лучше бы вы отсюда сгинули оба, ясно вам? Мне приятно, что вы хотели помочь, но...

– Ладно, хватит болтать, я тебя понял, пошли. – Джер махнул рукой и первым направился вперед, к океану.

– Кров не там, – заметила Таура.

– Не отставайте, самки, – коротко отозвался лавиб.

Таура и Тэсс опять переглянулись и, ускорив шаг, обогнали его. Шпринг глухо фыркала, и Тэсс опять показалось, что у ее подруги дергается хвост, хотя никакого хвоста у нее и не было. Впрочем, у Тэсс бы он тоже дергался, если бы был. Забота Ласкеза, конечно, ее обрадовала, но с чего это он взял, что она не разберется сама? Да еще и потащил с собой самого ненормального не только из своих дружков, но и вообще из всех старших воспитанников Крова. Слова «я бы оставил его себе» хорошо напомнили Тэсс, как три или четыре юнтана назад Джер предлагал ей множество разных (зачастую краденных у других) вещей в обмен на Марча. Лавиб уже тогда знали как довольно упрямого типа, всегда получающего желаемое, и несколько темных вахт подряд Тэсс практически не спала, больше всего боясь, что Джер заберется к ней в комнату за самолетом. Правда, он так ничего и не сделал, в отличие от многих других.

Вода зашумела громче. Туман впереди больше не казался таким густым. Он словно стягивался к Крову и останкам завода, постепенно уходя с берега. Но тем не менее воздух все еще напоминал жирное молоко, и это мешало четко различать предметы; корабль на мели и изломанные скалы казались вырезанными из раскисшей в этом молоке картонки. Тэсс напрягла зрение, пытаясь увидеть на палубе свет, но его по-прежнему не было.

– Эй.

Джер опять дернул носом, Таура – ушами. «Эй» они сказали одновременно и одновременно остановились как вкопанные. Они приглядывались к фигуре человека, который только что плавно поднялся с врытого в гальку камня.

– Хорошей вахты, ла и ло.

На Мади Довэ был сегодня ее обычный дук – красный, с широкими расклешенными рукавами и высоким воротником, подбитым темно-бурым мехом. Тяжелая волна волос почти сливалась с ним. Тэсс привычно уперлась взглядом в красный кружок на смуглом лбу. Доктор улыбнулась:

– Я ждала здесь одного-двоих из вас, но никак не четверых.

– Ждали? – настороженно уточнил Ласкез, первым подходя поближе. – Зачем это вы нас ждали?

– Смею предположить, что почтенная ла о нас беспокоилась.

Разумеется, это сказал Джер, и, разумеется, как и обычно, вместо «самки» в качестве обращения к женщине он выдал из себя учтивое «ла». Тэсс закатила глаза и, оттеснив его в сторону, заговорила:

– Не нужно было. Даже если вы хотите отправить нас назад, я все равно пойду его доставать. Он мой друг.

– Но ведь ло Паолино уже обещал тебе помочь, – мягко напомнила женщина, бросая тревожный взгляд на корабль. – Он... эта вещь... кажется мне небезопасной.

– У ло Паолино и так хватает неприятностей, некоторые из которых случились из-за меня. – Тэсс посмотрела себе под ноги, вспомнив, как самолет ударил управителя по лицу. – Ему достаточно.

Взгляды доктора и Тэсс встретились. Видимо, Мади Довэ пыталась разгадать истинный смысл сказанной фразы, но у нее не получалось. Наконец она кивнула:

– Что ж, ожидаемо. Поэтому я и пришла сама, не позвав управителя караулить вас со мной. Поверьте... – Уголок ярких губ дрогнул в улыбке, – он бы пошел.

– Вряд ли бы он поднял зад в такую рань, – небрежно и ревниво бросил Джер.

Доктор Довэ нахмурилась и обожгла его взглядом исподлобья:

– Не будь таким резким, пожалуйста. Он ценит жизнь и безопасность каждого из вас больше своего сна.

Лавибби открыл рот, чтобы поспорить, но резко передумал и, чтобы поскорее сменить неприятную ему тему, заговорил о деле:

– Самки, кстати, что вы планировали сделать, чтобы достать самолет?

Тэсс и Таура не ответили: они ничего не успели обсудить. Не особо удивившись, Джер встряхнул своим белым хохолком и вразвалку направился вперед:

– Так я и знал. А мы придумали. Ласкез, идем.

– А можно мне узнать, что вы будете делать? – Доктор догнала его и удержала под локоть, прекрасно понимая, что подобное удастся только ей. Джер послушно остановился и посмотрел на нее.

– Ничего особенного, ла. Мой друг покривляется перед этой громадиной и отвлечет ее, а я пока заберусь сзади на палубу и достану самолет.

– Он задушит тебя любой корабельной снастью! – не удержавшись, фыркнула Тэсс.

Лавибби недоуменно посмотрел на нее и переспросил:

– Задушит? Меня?

Почти все воспитанники мало знали о живых вещах, а вот Тэсс знала предостаточно. И доктор Довэ, сдвинувшая густые брови, тоже:

– Она права. На этом корабле живая не только носовая фигура. При желании он может задушить тебя, втянуть в трюм, просто размозжить тебе голову. У тебя не получится осуществить этот план, тем более что корабль тебя помнит.

– Я тоже сумею залезть... – Вздохнув, вышла вперед Таура. – И меня он не знает. Может, он не будет меня убивать?

– А ты умеешь плавать, милая? – уточнила доктор, внимательно рассматривая шпринг.

– Плохо... – пробормотала та. – Но тут же не надо плыть, здесь не глубоко. Я доберусь. Она посмотрела на воду и вздрогнула. Тэсс покачала головой и решительно шагнула вперед.

– Так, ну хватит. Мне очень приятно, что нашлось столько желающих вытащить мой самолет, но на борт я полезу сама. Если кто-то отвлечет рыцаря, будет здорово, но это тоже необязательно, потому что...

Тут она осеклась. На нее неотрывно смотрели четыре пары глаз, и ей пришлось продолжить:

– ...Потому что носовая фигура сказала мне возвращаться за Марчем одной.

– *Сказала?* – выдохнула доктор Довэ. Как показалось Тэсс, с ужасом.

– Да. Именно так. И я пойду.

– Не дури, самка. – Джер перегородил ей путь. – Этот корабль сломает тебе шею или утопит, с него станется. Ласкез, останови ее, она твоя сестра.

– Да, ты никуда не пойдешь. – Ласкез встал плечом к плечу с другом. – Мы сами его снимем. Плевать, он не сможет пришибить сразу двоих, а если попытается, то у него ничего не выйдет.

Уступать они явно не собирались, слушать возражения – тоже. Тэсс, начиная злиться, прищурилась и скрестила руки:

– Я сразу вам сказала убираться куда подальше, и если вы решили остаться, то хоть не мешайте мне. Кто здесь из нас Зодчий, а?

– Один живой самолет, за которым ты не смогла даже уследить, еще не делает тебя Зодчим, – огрызнулся вдруг Джер. – Зато очень многое делает тебя самкой и ле, и лучше тебе...

Тэсс в бешенстве пихнула его в грудь:

– От ле слышу. И прекрати называть меня самкой!

– Тэсси! – Таура, подскочив, обняла подругу за шею. – Успокойся, он не хотел!

С ней такое случалось – обычное для нее спокойствие сменялось негодованием. Сейчас Тэсс кипела от злости, ей хотелось приложить Джера головой обо что-нибудь твердое. Желание помочь, быстро переросшее в навязчивость, вывело ее из равновесия. И она была готова драться – даже с братом, если понадобится. Даже одна. О присутствии ла Довэ она и вовсе забыла... но та неожиданно сама напомнила о себе:

– Джер, хватит. Отойди. Пусть она идет.

– Что?! – хором спросили все ребята, в том числе и Тэсс.

На лицах Тауры, Ласкеза и Джера читалось полное непонимание. Мадри Довэ невозмутимо улыбалась:

– Попробуй подойти к нему, Тэсс, – говоря, она расстегивала крупные овальные пуговицы своего дука. – А ростру я беру на себя.

– Что?

На этот раз возглас издал только Джер, явно задетый за живое. Но слова словно застряли у него в горле. Красный дук упал на просоленную гальку. Доктор Довэ осталась в плотном, обтягивающем ее фигуру *флэ* – плавательном костюме. Черная ткань слабо заблестела.

– Подвяжете мне волосы? – Она окинула всех вопросительным взглядом и протянула длинную серую ленту, которую достала из кармана дука. – Их всегда трудно высушить, слишком уж их много.

Тэсс с тоской подумала, что если у нее и будет когда-нибудь такое тело – со столь плавной линией плеч, пропорциональной грудью и округлыми бедрами – то это произойдет очень нескоро и будет стоить немалых усилий. Пухловатую Тауру явно огорчили узенькая

талия и длинные ноги доктора. Девушки одновременно пихнули в бок замершего Ласкеза, и Тэсс уже собралась взять ленту, как ее довольно быстро опередили:

– Конечно, ла, с удовольствием.

Тэсс окинула Джера, вставшего у доктора за спиной и бережно взявшего в руки ее тяжелые волосы, недоверчивым взглядом. Может, ему и не разрешили отвлекать ростру, но в холодную воду залезть явно придется. Лавибби перехватил ее взгляд и угрожающе оскалился. Тэсс пожала плечами и заметила:

– Вот тут выбились прядки.

Вскоре Тэсс и ла Довэ начали осторожно спускаться по камням к воде.

– Я вас немного провожу. – Джер, расшнуровав вольды и оставив на камнях непромокаемую куртку вместе с тонкой рубашкой, пошел за ними. – Мало ли что...

Тэсс, созерцая довольно густую черно-белую шерсть на его груди, едва сдержала ухмылку:

– Необязательно.

– Обязательно.

Вообще-то Тэсс подумала о том, что ей тоже не помешало бы взять плавательный костюм, но бесшумно достать его из шкафа в комнате было практически невозможно. Все, на что у нее хватило ума, – разуться, снять дук и две верхние кофты. Волосы тоже следовало бы подвязать, хотя у нее они были далеко не такие пышные и выющиеся, как у доктора, и намного короче. Но беспокоиться об этом было уже поздно.

Зайдя по колено, Мади Довэ поплыла – она, двигаясь с непринужденной гибкостью рыбы, с легкостью преодолевала ленивые волны. Тэсс предпочла идти пешком. Джер, зайдя по пояс, остановился:

– Я подожду тут, кричите, если что. Удачи.

– С ума сошел, замерзнешь! – крикнула ему уже оказавшаяся впереди доктор. – Немедленно вылезай на берег!

– Видишь, беспокоится, – фыркнула Тэсс, бросив многозначительный взгляд вниз. – Иди-иди.

– Гадина, – отозвался Джер, потирая щетину на лице.

– Я просто не хочу, чтобы ты простудился. Проваливай.

Лавибби ничего не ответил и, развернувшись, побрел к берегу, где присели на камни Таура с Ласкезом. Тэсс отвернулась, невольно отметив, что туман за береговой линией – там, где начиналась роща, – совсем исчез, а вот дальше – ближе к Крову – наоборот уплотнился. Отяжелел. И поднялся вверх.

Доктор Довэ уже была почти под самой рострой. Там она встала и замахала руками, привлекая к себе внимание рыцаря. Тэсс свернула и начала огибать корабль, смутно надеясь найти лестницу или хотя бы якорную цепь. Ничего похожего ей не попадалось: древесина, покрытая тонкой плесенью дрэ, не имела даже выступов. Таура с ее когтистыми ручками и умением балансировать, наверное, влезла бы. Тэсс же не могла.

Что-то резко обожгло ей грудь. Она полезла под рубашку и вытащила зеленую подвеску – темную, будто замутившуюся. Машинально Тэсс сжала камень в кулаке и неожиданно даже для самой себя отчетливо, громко попросила:

– Узнай меня.

Повторив это дважды, она прижала ладонь с цепочкой к борту. Склизкие дрэ заворочались под рукой, словно черви. Тэсс терпеливо смотрела. Нити расплзались, очищая небольшой участок корабельной доски. Но больше ничего не произошло. Тэсс пожала плечами: а чего она ждала? Убрав руку, она вернулась к носу корабля.

Мади Довэ только что взялась за край хвоста рыцаря, провела по деревянным чешуйкам длинными ухоженными ногтями. Джер вчера, кажется, сделал примерно то же самое, и именно после этого его атаковали. Сейчас воин не двигался, будто корабль...

– Может, он уже совсем... умер? – сдавленно спросила Тэсс. – Он выглядит так жалко... Доктор медленно покачала головой:

– Он бы распался на части, это всегда происходит быстро. Но он целый.

– А может, он спит?

Женщина пожала плечами и еще раз провела по чешуйчатому хвосту. Под ее рукой дрэ не двигались.

– Как думаешь... что призвало его сюда? Кого он ищет? – тихо спросила она, не сводя с Тэсс странного пристального взгляда.

Моя подвеска. Может быть, меня?

Но этого она не сказала. Решила поступить, как Джер, – перейти к делу:

– Я попробую влезть по нему, раз он не двигается. А вы побудьте тут.

Ла Довэ оглянулась. Трое воспитанников напряженно следили за ними с берега. Джер и Ласкез встали, готовые в любой момент броситься в воду. Женщина явно колебалась. Наконец она медленно кивнула:

– Хорошо, давай рискнем. Но сначала попробуй-ка просто позвать своего Марча. Вдруг он нагулялся?

Тэсс сомневалась, что это подействует – вчера самолет ее упорно не слышал, хотя она почти сорвала голос, крича ему. Тем не менее она приложила руки ко рту и, чуть дрожа от холода, окликнула:

– Марч! Лети сюда!

Некоторое время они прислушивались, замерев. Было тихо. Скрипели только мачты.

– Ну вот, он не...

Но Тэсс ошиблась. Послышался знакомый рокот, и вскоре маленький красно-бежевый самолет, вынырнув из-за борта корабля, спикировал прямо Тэсс на голову. Она крепко схватила его и прижала к себе:

– Ты знаешь, что ты сделал? Знаешь, гад? Я думала, думала...

Гул мотора стал низким и виноватым, Марч заворочался у Тэсс в руках. Она вздохнула:

– Ну что мне с тобой сделать, чтобы ты нормально себя вел?

Ла Довэ улыбнулась и положила руку ей на плечо:

– Вот видишь, не все так скверно. Теперь...

Она не успела закончить фразу. Рядом раздался громкий тяжелый всплеск. Тэсс дернулась, решив, что ростра все-таки заметила их и собирается прогнать, но тут она увидела длинную заплесневелую веревочную лестницу, переброшенную через борт. От движения волн перекладки гулко стучали о деревянную обшивку. Тэсс протянула руку, взялась за толстый плетеный канат и вцепилась в него пальцами. Поверхность была склизкой и холодной.

– Он... зовет нас.

Марч, которого она по-прежнему прижимала к себе, беспокойно дернулся.

– Тэсс, не надо.

Ла Довэ смотрела на нее в упор, ее обычно теплый взгляд сейчас был совсем другим. Тэсс невольно поежилась. Но все же нерешительно возразила:

– Но, может, он хочет что-то нам рассказать? Ведь он пришел...

– Даже если так. Ты уверена, что хочешь это услышать и сможешь после этого уйти?

Тэсс задрала голову.

Деревянный рыцарь смотрел на нее пустыми глазами. Руки, закованные в латы, оставались неподвижными. Но меч был предупреждающе занесен.

– Я...

– Давай к берегу, Тэсс. То, что нужно было сделать, мы сделали. Остальное – уже воля ветров.

Тэсс колебалась.

Видя, что она не выпускает лестницу, ла Довэ вздохнула:

– Ну хорошо. Ты запрешь Марча, переоденешься во что-нибудь более подходящее, и мы вернемся сюда с кем-нибудь из ло.

– А если корабль...

– Если он захотел пустить тебя один раз, пустит и второй, – даже не дослушав, легко угадала ее сомнения доктор. – Подождет четверть вахты. Судя по его виду, он ждал уже довольно долго.

Но что-то тянуло Тэсс на палубу прямо сейчас. Противиться зову было почти невозможно. Тэсс еще раз посмотрела на перекладины лестницы и собралась все-таки попросить у ла Довэ разрешения забраться наверх – буквально посмотреть одним глазком. Но тут...

– Доктор! Тэсси!

Это кричал Ласкез, и его крик показался им слишком тревожным. Тэсс и Мадэ Довэ повернули головы к берегу.

Ласкез стоял с совершенно потерянным видом и махал руками. Джер и Таура, странно неподвижные, лежали у его ног. Молочный туман окончательно покинул береговую линию и преодолел рощу – она была отчетливо видна до последнего черного дерева.

4. Белое на белом

Куда ты? Вернись! Вернись сейчас же!

Выпуская Марча из рук и бросаясь в воду, Тэсс ясно услышала эти слова, но выкинула их из головы. Она мгновенно отказалась от идеи лезть на палубу. Тэсс плыла назад так быстро, как только могла, захлебываясь и брызгаясь, обуреваемая непонятным страхом, забыв даже о том, что, бродя вокруг живого корабля, успела замерзнуть. Грудь кололо, ноги сводило.

Она догнала доктора Довэ уже на мелководье, и на берег обе выбрались почти одновременно. Тэсс, едва дыша, бросилась к Тауре и перевернула ее на спину. Ее лицо было бледным, побледнели и пухлые, обычно нежно-розовые губы. Шпринг не среагировала даже на прикосновение к вибриссам, а ведь от этого она всегда моментально просыпалась.

– Родная, что с тобой? – Не получив ответа, Тэсс подняла глаза на Ласкеза. – Ты... что с ней сделал?

– Я? – возмутился брат. – Ничего!

Они с доктором Довэ склонились к Джеру, такому же неподвижному, как и Таура. Ласкез похлопал его по щеке – безрезультатно.

– Ла, что это? – глухо спросила Тэсс, опуская руку на лоб Тауре. – Она... такая холодная.

– Он тоже.

Они посмотрели друг другу в глаза, и Тэсс с ужасом поняла: Мади Довэ не знает, что произошло, и ей страшно. Женщина снова наклонилась, опустив голову к груди Джера. Периодически она замирала и прислушивалась:

– Сердце бьется. Ровно. А у нее?

– Тоже, – склонившись над Таурой, отозвалась Тэсс. Затем она быстро повернулась к неподвижно стоящему кораблю. – Вы не думаете...

Она никогда не слышала ни о чем подобном. Но ведь не могла она знать обо всем. Доктор поспешила ее успокоить, уверенно покачав головой:

– Вещи такого точно не могут. Во всяком случае, корабли. Это что-то другое.

Небо успело немного посветлеть. За рощей все еще стелился густой туман – не было видно даже самых высоких построек Крова, в ясные дни заметных прямо из воды. Помимо сонного плеска волн, слышался только гул: Марч кружил над берегом, тревожно рокоча мотором. Наконец он приземлился на гальку рядом с Тэсс и затих. Мади Довэ бросила на него рассеянный взгляд, будто смутно припоминая, откуда он взялся. Помедлив, она произнесла:

– Попробуем отнести ребят домой. У меня нет с собой никаких лекарств, чтобы им помочь.

– Но если ло Паолино узнает, что вы были тут с нами и что это случилось при вас... – начал Ласкез.

Доктор вздохнула:

– Если он не узнает, будет только хуже. Оставим это. Ты сможешь донести Джера? А мы возьмем девочку.

Ласкез задумчиво оглядел своего друга с головы до ног: тот был ниже, но крупнее и шире в плечах. Тем не менее он коротко кивнул и уже начал осторожно приподнимать лавиби с гальки, когда тот, недовольно зарывав, вцепился в него, а затем, довольно резко отпихнув, завалился назад:

– Эй, ты что со мной делаешь, ненормальный? – Джер яростно потер затылок и оскалится. – Совсем спятил?

Ласкез в замешательстве пожал плечами, и тут же рядом очнулась Таура:

– Мои бедные ушки... – сказала девушка и села.

Тэсс и ла Довэ переглянулись. Шпринг и лавибби с таким же непониманием смотрели на них:

– Что произошло?

– Вы потеряли сознание, – медленно произнесла доктор. – Оба. Когда мы с Тэсс еще были в воде.

– Правда? – Джер тоже сел. – Не помню, ла.

– А что ты помнишь? – мягко спросила Мади Довэ, беря его руку в свою и замеряя пульс.

– Теперь точно ничего, – убито изрек он, отводя взгляд от ее лица. – Стоял, а тут вдруг лежу.

– А я помню, что я чего-то испугалась, – вдруг протянула Таура. – Не знаю чего, но у меня встали дыбом волосы, и уши заболели.

– Мне кажется, и у меня так было. – Джер оглядел свои ладони и пошевелил когтистыми пальцами.

– А сейчас ты в норме, приятель? – Ласкез склонил голову к плечу. – Может, покажешь мне и доброму доктору язык? Как-то это все странно.

– Иди к ветрам, – сказал лавибби. Он уже поднялся, отряхнулся и побрел за своей верхней одеждой. – Все нормально.

Да, происходящее казалось странным. Другого слова просто не находилось. Тэсс всматривалась то в усталое личико Тауры, то в озадаченную и недовольную физиономию Джера, но не видела никаких подсказок, и давать их ей явно не спешили. У Ласкеза, бесцельно ворошившего гальку, их тоже не было, а Мади Довэ словно погрузилась в свои мысли – она наблюдала за поверхностью океана где-то между скалами и кораблем.

– Лови.

В Тэсс, не особо церемонясь, швырнули ее собственными вещами. Она возмущенно сдернула с головы кофту и тут же увидела, как Джер заботливо набрасывает красный дук Мади Довэ на плечи:

– Вам тоже лучше одеться, ла.

Все вроде бы возвращалось на круги своя: в том числе возникло привычное желание убить дружка брата. Это успокаивало. Тэсс застегнула последнюю кофту и требовательно позвала:

– Ма-арч!

Самолет послушно взлетел на плечо. Тэсс погладила его корпус и встала – одновременно с Таурой. Шпринг, впрочем, как и Джер, все еще выглядела бледной.

– Помочь тебе? Хочешь опереться на меня? – спросила Тэсс.

Но Таура покачала головой:

– Со мной все нормально, только... – она вдруг запнулась, – мне как-то неуютно. Идемте скорее домой.

– Да, давайте, – Мади Довэ, снова распустившая волосы, поддержала ее. – И как только придем, оба – в госпиталь. Я хочу повнимательнее на вас посмотреть, вы мне совсем не нравитесь.

Тэсс почти не слушала доктора. Она снова повернулась к воде и неподвижному кораблю. Лестница все еще была перекинута через борт. Казалось, слышался даже стук переключателю, бившихся об обшивку.

Куда ты? Вернись! Вернись сейчас же!

– Тэсс?

Доктор цепко взяла ее за рукав.

Тэсс посмотрела ей в лицо, и женщина настойчиво покачала головой:

– Не сейчас. Позже. Мы обязательно вернемся.

– Хорошо, – вздохнула Тэсс.

Они уходили с берега, почти не разговаривая друг с другом. Вроде бы отчаянное предприятие по спасению домашнего самолета окончилось вполне удачно, но все же что-то угнетало всех пятерых – не только Тэсс, думающую об умирающем корабле. Предчувствие чего-то словно повисло в воздухе, смешиваясь с легким туманом. Впереди, за рощей, на небольшом участке пустыря между опушкой и Кровом, этот туман снова стал очень густым.

* * *

Таура и Джер теперь шагали впереди – даже хорошо знакомую дорогу трудно было отыскать без чутья и особого умения ориентироваться в пространстве, которыми обладали полукровки. Неожиданно Таура взвизгнула и попятилась:

– Передо мной кто-то пробежал!

– Заяц. Или заяц-*лапитан*, их здесь полно, – пожал плечами Джер. – Тупые рогатые твари. Вечно они таскаются за этой придурочной. Может, и сама она поблизости.

Шпринг вытянула вперед руку. Ее было видно смутно, только по локоть.

– Ладно, идемте поскорее, я уже замерзаю. И завтрак скоро...

Наконец они оказались перед лестницей, ведущей на массивное крыльцо главного здания. При такой видимости старые ступеньки больше напоминали выступы древней скалы. Споткнувшись, Тэсс уцепилась за руку брата, и он почему-то не стал обращать внимания на ее неуклюжесть. Наоборот, будто с облегчением стиснул ее ладонь в своей. Они не сказали друг другу ни слова. Им было тревожно, и Марч, которого Тэсс теперь не отпускала, разделял это беспокойство – его мотор низко гудел.

Джер, спеша выйти из тумана и пропустить вперед ла Довэ, первым толкнул створки двери, сделал шаг в холл и тут же замер. Тэсс увидела, что волосы на его затылке разом встали дыбом, и очень быстро поняла почему.

Внутри здания, где должно было быть темно, сгущалась все та же непроглядная белизна, от которой они надеялись избавиться. Туман затянул все пространство от мозаичного пола до резных сводов потолка.

– Молоко на кухне взбесилось! – нервно засмеялся Ласкез. – То-то наши удивятся, когда встанут...

Шутка словно утонула в белизне. Никто не улыбнулся. Мади Довэ собралась выйти вперед, но Джер медленно отвел руку в сторону, веля всем оставаться на местах, и подозвал к себе Тауру.

– Странно. Ты тоже чувствуешь? – коротко спросил он.

Тэсс увидела, что ее подруга мелко дрожит. Волосы у нее встали дыбом точно так же, как у лавиби, и она беспокойно водила головой из стороны в сторону, будто следя за невидимой мухой. Крылья маленького носика то и дело подергивались, и Тэсс понимала, что это дурной знак: у шпринг обоняние, в отличие от слуха, развито не лучше, чем у киримо, и если Таура пытается задействовать даже его, чтобы хоть что-то понять, значит...

– Что-то не так, – медленно произнесла Таура. Она явно пыталась взять себя в руки, теперь у нее шевелились только кончики ушей. – Тихо... не как обычно утром.

– Нет запахов. – Джер закусил губу.

– Запахов? – осторожно переспросила Тэсс. – Что ты имеешь в виду? Каких... запахов?

– Обычных, – коротко отозвался лавиби и сделал несколько быстрых шагов вперед. – Человечьих запахов. Сна, голода, страха, раздражения, нежелания вставать...

– Это все пахнет? – невольно поразились Тэсс и тут же пожалела о том, что не скрывает своих эмоций. Джер скривил рот:

– Я тебя удивлю, но ты одна сейчас источаешь около пяти запахов. Почти всё в Большом и Малом мирах чем-то пахнет. Даже мертвецы. Особенно мертвецы.

– Джер! – Таура покачнулась. – Ну перестань, фу!

Ла Довэ, казалось, их не слушала. Она прошла мимо полукровок и, приблизившись к стене, нащарила рычаг, который включал газовое освещение. Раздался сухой щелчок, но ничего не произошло – силуэты рожков остались темными. Свет шел только из полузашторенных окон и... от клубов тумана.

– Не работает, – потерянно произнесла доктор.

Беспокойство Тэсс усилилось. Она поняла, что все еще не выпустила руку брата, и не стала этого делать. Ей вдруг очень захотелось просто... услышать голос. Голос, не принадлежащий никому из тех, с кем она была на берегу. Голос Минди, или Мойры, или воспитательницы Ладлиги, или управителя Паолино. Точно угадав ее мысли, Таура набрала в грудь воздуха и позвала:

– Э-э-эй! Кто-нибудь! Ло Паолино! Ло Тавир! Ла Трэвисса!

Стояла поразительная тишина. Крик девушки даже не пробился сквозь туман. Таура позвала не только управителя, но и сменного сторожа и старшую повариху. Они должны были уже проснуться к тому времени, но тоже не отзывались. Таура шумно вдохнула, но Мади Довэ мягко остановила ее:

– Лучше не кричи.

– Почему? – сдавленно спросила шпринг.

– Потому что мы не знаем, что случилось, и лучше не шуметь, что тут непонятного? – Джер коротко взглянул на нее. – И такой ор бы всех перебудил, если бы тут кто-то был.

– Но...

– Правда, – Тэсс старалась говорить ровно и одновременно осознавала, что сама сдерживает крик только огромным усилием и что уже долгое время нервно прижимает Марча к себе. – Наверняка все просто спят, но все же...

– Все *не просто* спят, – оборвал ее Джер. – Я даже не уверен, что все *всего лишь* умерли. Таура, кажется, всхлипнула.

– Давай ты пока не будешь нагнетать, приятель? – осторожно предложил Ласкез, переступая с ноги на ногу и прислушиваясь к стуку собственных подошв. – Ничего еще не понятно. Надо выяснить.

– Но ведь он прав, – раздался сзади тихий, почти бесплотный голос.

Тэсс обернулась, на всякий случай покрепче держа Марча.

Бледная девушка с грязно-светлыми, какого-то неопределенного цвета волосами стояла в проеме распахнутых дверных створок. Из-за ее узкой спины в холл вползал все новый и новый туман. У маленьких босых стоп замерли двое рогатых зайчат-лапитапов, поджавших мохнатые передние лапки и с любопытством заглядывавших в помещение. Сзади был еще один заяц, но покрупнее.

– Он прав, – повторила девушка, не двигаясь с места. – Никого нет. Все исчезли. Как тогда.

5. Ву

Тэсс точно помнила, что она тоже из старших – эта странная девушка с чистыми, но все равно как будто неопрятными волосами.

Это была Ву Ва'ттури, впрочем, она редко отзывалась на навязанную ей чужую фамилию. Ву, просто Ву.

Тэсс казалось, что изначально ее имя было длиннее, вроде ее звали Вальбурга. Может, она отказалась от него так же, как от всего, что казалось ей ненужным. Например, от обуви, лишних знакомств и планов на жизнь.

Ву было наплевать, называют ли ее ла или ле: она выглядела от силы на пятнадцать, зато умных слов знала больше, чем некоторые воспитатели. Ву иногда можно было увидеть во время завтрака или обеда, чуть чаще – на уроках, и еще чуть чаще – на тех занятиях, что проводились на природе: в Дальнем Лесу, рощах и на побережье. Ву нравился свежий воздух и не нравились коридоры, лестницы, потолки, стены. Людей Ву тоже не особенно любила. Другое дело – звери.

К ней единственной без страха подплывали китрапы и даже катали ее на своих спинах; птицы бесцеремонно садились ей на плечи. Но больше всего к ней тянулись лапитапы. Рыже-серые пятнистые зайцы с ветвистыми рожками ходили за Ву стайками, сидели у крыльца Крова, терпеливо ожидая, пока она выйдет, приносили ей вырытые из земли камешки, корнеплоды, а также раковины с берега океана.

Заметив остальных обитателей приюта, лапитапы, как правило, шустро удирали. Тэсс слышала, что эти маленькие выносливые животные с острым нюхом легко приручаются и в Большом мире используются серопогонными для сыска: проще обучить лапитапов, чем достать дорогих собак и прирученных волков *доги*. Но лапитапы острова Четырех Ветров были какими-то странными: живя в непосредственной близости от двуногих и даже не служа им источником пищи, зайцы дичились. Они доверяли только Ву и сейчас тоже были с ней.

– Как тогда? – тихо уточнила Мади Довэ, делая навстречу девушке два медленных шага. – Что ты имеешь в виду?

Ее полуприкрытые глаза яркого морского оттенка встретились с темными глазами доктора. Подумав, Ву без особого выражения пояснила:

– Ну вы-то точно помните, вы взрослая. Гадкий туман, правда? И он опять всех унес.

– Куда унес? – нервно спросил Джер. Он, в отличие от ла Довэ, предпочел не приближаться к Ву. – Что ты мелешь, самка?

– Я не знаю, – безмятежно откликнулась она, не обращая внимания на его раздраженный тон и грубое обращение. – Туман знает и, наверное, ветры, они всегда знают, как и звезды. А доктор Довэ не знает, но помнит. И Тэсс помнит. Правильно?

Тэсс никогда не общалась с этой девчонкой близко, как и большинство воспитанников. Дружить с ней боялись, обижать ее – тоже. Ву ходила со всеми по одним коридорам, знала каждого по имени, и каждый знал ее имя – не слишком сложное для запоминания. На этом точки соприкосновения Ву и мира заканчивались.

И теперь Тэсс стало очень неуютно от цепкого взгляда, сверлившего ее переносицу. И тем не менее Ву была права.

– Да, я... помню, – медленно произнесла Тэсс, слегка отпуская корпус своего самолета. – Думаю, все помнят. Такой туман уже был один раз.

– Когда, Тэсси? – уточнил Ласкез.

Но Тэсс не успела ответить. Джер раздраженно стукнул кулаком по стене и зашипел:

– Хватит молоть чушь. Нужно осмотреть комнаты и попытаться что-нибудь найти.

Он сказал «что-нибудь», а не «кого-нибудь». Но его не поправили. Тэсс почувствовала, что ее опять накрывает волна липкого неприятного страха. Лавиби, хмурясь и вынимая из-за отворота своего правого вольда короткий нож с широким зазубренным лезвием, тем временем продолжил:

– Осмотрим для начала первый этаж. Я иду с ла Довэ направо, ты, приятель, идешь налево с сестрой и... – он осекся и pokrutil головой, – ой, а где наша кошатина?

Тэсс вздрогнула и начала беспомощно озираться. Рядом стояли брат, доктор и Ву, чуть на расстоянии – Джер с ножом в руке. А куда делась Таура? Когда она убежала? И убежала ли? Тэсс вцепилась Ласкезу в предплечье, видя, что доктор Довэ тоже побледнела, встала на цыпочки и напряженно пытается хоть что-то различить в тумане. Зато Ву, наклонившись, безмятежно почесывала одного из лапитапов за ухом. Впрочем, Джер быстро пришел в себя:

– Ну и к ветрам ее, вернется. Тогда ненормальная может пойти с вами вместо нее.

– Я подожду здесь, – возразила Ву, безошибочно угадав, что «ненормальная» – это она. – Вы быстро вернетесь обратно. Ведь все так, как и...

– Замолчи, это невозможно слушать! – Джер закатил глаза. – Явилась же...

– Эй, как это к ветрам? – возмутилась тем временем Тэсс, которая в первое мгновение даже не поняла смысла слов лавиби. – Таура испугалась! Она может заблудиться или...

Или с кем-нибудь столкнуться. Прямо в этом тумане, где может притаиться кто угодно, любая незнакомая тварь. Но Тэсс не решилась произнести этого вслух, зная, что тогда совсем потеряет от страха голову. Впрочем, Джер, внимательно посмотрев ей в лицо, неожиданно смягчился и слегка пожал плечами:

– Кто-нибудь из нас ее в любом случае встретит, или она сама вернется к Ву. – Он в упор посмотрел на девушку. – Сиди на месте, поняла?

Та послушно опустилась на пол и скрестила ноги. Еще один заяц, тоже довольно крупный, тут же выбежал к ней из тумана улицы и залез на ее колени.

– Так? – Она посмотрела снизу вверх.

– Дурная ты какая-то, – озадаченно пробормотал Джер, почесал макушку и посмотрел на ла Довэ. – Может, вы останетесь с ней? Неизвестно, что...

Значит, Тауру к ветрам, а почтенная ла должна находиться в безопасности. Даже сейчас Тэсс чуть не рассмеялась от этого неприкрытого деления на своих и чужих. Что только делает с двуногими красота, особенно такая странная и необычная. Островитянка из Малого мира, ла Довэ на всех оказывала подобное влияние. Но, как и всегда, вряд ли она собиралась этим пользоваться.

– Ну хватит. С вами должен пойти кто-то из взрослых. – Она помедлила и взглянула на Тэсс. – И я бы не отпускала их одних. Неизвестно, что может случиться.

– Со мной будет Марч, я должна найти Тауру! – возразила Тэсс.

– Вот именно, вряд ли она убежала далеко, – поддакнул Джер.

Конечно, он с легкостью был готов ее отпустить. Да и она не собиралась его слушаться: воспользовавшись случившимся, он сам провозгласил себя вожаком и не спрашивал ничего согласия, но она за него не голосовала.

Но и теперь доктор Довэ возразила:

– Мы найдем нашу Тауру вместе, – жестко сказала она, глядя на лавиби. – Нам не стоит разделяться. По крайней мере, поначалу.

– Даже если в тумане никого нет? – с некоторым раздражением уточнил Джер, потянув носом.

– А ты сможешь мне это доказать после того, как кого-нибудь убьют?

Он вздрогнул и, колебавшись, согласно кивнул:

– Как скажете, ла. Начнем вместе, потом разберемся. Пошли.

– Оставьте самолет и возьмите зайчат! – неожиданно снова подала голос Ву. – Они всё тут знают и почуют опасность. А Марч слишком много шумит.

Тэсс опять сердито прижала самолет к себе:

– Ну нет, хватит уже, каждый раз, как он без присмотра, случается что-нибудь плохое.

– Но ведь он будет со мной, – добродушно откликнулась Ву.

Два маленьких лапитапа уже отбежали от нее и, слабо виляя удлинненными пушистыми хвостиками, прильнули к ногам поморщившегося Джера.

Тэсс не считала, что задерживаться в сомнительной компании Ву значит то же самое, что и «быть под присмотром». Но сам Марч вдруг легко высвободился из рук, зарокотал громче и, взлетев к потолку, уселся на светильник. Он понял, чего от него хотели, и почему-то послушался странную девушку. Впрочем, он всегда относился к ней чуть благожелательнее, чем к большинству сирот – видимо, что-то все же роднило его с животными.

– Назад! – хмуро велела Тэсс, но Мадри Довэ неожиданно поддержала Ву.

– Она права. Не зови его, в тумане он может потеряться, придется еще его разыскивать... Лучше так.

Тэсс расстроено посмотрела на доктора, но Ласкез ободряюще потрепал сестру по волосам:

– Все равно он догонит и найдет, если захочет. Пойдемте скорее, пока Таура не убежала слишком далеко.

Больше не теряя времени, четверка прошла через холл и свернула в первый жилой коридор, ведущий к комнатам воспитателей. Ву осталась далеко позади, а лапитапы ускорили вперед: в тумане их пятнистые спинки были едва заметны, зато поступь была слышна отчетливо. Каждый раз, увидев дверь, они ненадолго замирали, пока кто-нибудь не заглядывал в помещение. После этого зайцы бежали дальше.

Тэсс очень быстро отчаялась, остальные – даже доктор, поначалу иногда говорившая что-то успокаивающее в своей обычной мягкой манере, – видимо, тоже. По крайней мере, чем дальше они шли, тем реже кто-либо вообще раскрывал рот. Происходящее не обсуждали. Догадки, если они и появлялись, каждый держал при себе.

Везде, во всех комнатах, от чулана сторожа до последней воспитательской спальни, было одно и то же. Туман под ногами, туман под потолком. Привычные вещи, разбросанные или аккуратно сложенные. Пустые необустроенные кровати, некоторые со смятыми подушками и перинами. И полное отсутствие двуногих.

– Двери открыты... – прошептал Ласкез, когда они достигли уже конца коридора. – Не заперта ни одна дверь, а ведь у нас они обычно закрываются на ночь.

Это заметили все, но в полной мере осознали только после его слов. Ла Довэ поморщилась, как от боли, но ничего не сказала. Джер легонько подтолкнул зазевавшегося зайчонка вперед.

– И что же это значит, ло детектив? – поинтересовался лавиб.

– Я не знаю. Может, та сила, что забрала их, умеет открывать замки.

– Забрала?

– А у тебя есть другие мысли, куда все делись?

Джер явно мог что-то сказать по этому поводу, и вряд ли бы Ласкезу это понравилось. Но лавиб промолчал и только через некоторое время, когда все остановились передохнуть у лестницы и Тэсс снова начала тихонько звать Тауру, заметил:

– Девчонку... ну, эту, внизу... надо встряхнуть. Она что-то знает.

– Она просто ненормальная, вот и все, – возразил Ласкез. – И ты сам не захотел ее слушать, и правильно.

– Я не захотел слушать ее вранье, а она явно врала, – раздраженно поправил Джер. – Если я хорошенько вцеплюсь ей в горло...

– А ты почуял запах лжи? – вдруг вкрадчиво уточнила доктор Довэ. Она уже шагнула на лестницу и оперлась на перила.

Лавибби отвел глаза, не ответив. Женщина удовлетворенно кивнула:

– По-видимому, нет. Поверь, она сказала правду. А если ты хорошенько подумаешь, то она не сообщила тебе ничего нового. Мы уже видели точно такой же белый туман.

– Да тут почти каждое утро туман, – проворчал Джер. – Я бы удивился, если бы его не было.

– Джер. – Потеряв терпение, Тэсс подошла к нему ближе. – Включи башку, если можешь. Точно такой же туман уже был один раз. В тот день, когда ушли *чужаки*. С завода и из бюро.

Наверно, это тоже не стоило произносить вслух, потому что Тэсс опять почувствовала озноб, будто что-то очень неприятное, во что она отказывалась верить, вдруг оказалось правдой. А ведь она даже не совсем поняла, что все это значит. Впрочем, вряд ли это понимал хоть кто-нибудь.

...Чужаки ушли, когда Тэсс было не больше одиннадцати юнтанов. Это случилось после заката, очень быстро и, видимо, достаточно поздно, раз рокот зеленого самолета, навсегда забравшего людей в красивой форме, никого не разбудил. Утром, высунувшись в окно, они с Таурой, Мойрой и Минди увидели только густую белизну, которая продержалась до самого обеда – тогда отменили даже уличные занятия, все, включая плавание.

Никто ничего не объяснил, все произошло совершенно неожиданно, только за завтраком Паолино с грустью сообщил, что Кров – теперь единственное обитаемое место на острове. Большинство этому только обрадовалось: исчезновение чужаков обещало послабления в правилах и возможность чем-нибудь пожить. Вскоре воспитанники уже смело выбирались на улицу ночью и всю шныряли по опустевшим постройкам. Тэсс была среди них. И все было бы замечательно, но потом...

– Именно так, – доктор Довэ оборвала поток сумбурных воспоминаний. – И это... довольно странно.

Джер потянул носом, но промолчал. Но его лицо на миг переменялось, Тэсс даже не успела понять что к чему. Встряхнув головой, лавибби хотел что-то сказать, но вдруг уставился на одного из зайцев:

– Чего это он?

Зверек несколько раз ударил задней лапой по стене. Убедившись, что на него наконец-то посмотрели, заяц развернулся и деловито затрусил вверх. Напоследок он издал странный звук, напоминавший мяуканье.

– Он учуял Тауру! – догадалась Тэсс и стремглав пустилась следом.

Она сразу напрочь забыла обо всех остальных, оставшихся позади. К тому же она уже догадывалась, куда именно пошла шпринг и куда ее зовет лапитап. И в это место нужно было заглянуть в любом случае – рано или поздно.

6. Пустой кабинет

Пробираться сквозь туман вслед за пятнистым зайцем оказалось не так трудно. Тэсс ни на что не натыкалась. Только вот в белой мути все, мимо чего она пробегала, казалось незнакомым: невозможно было рассмотреть, что изображено на картинах, различить очертания шкафов, вспомнить, куда ведет та или иная дверь. Тэсс не узнавала свой дом.

Лапитап то и дело петлял по коридорам, выбрав не самый короткий путь. Но вскоре Тэсс поняла, что ее случайная догадка оказалась верна. Окончательно она убедилась в этом, когда заяц снова выбежал уже на другую, самую дальнюю лестницу и понесся наверх – туда, где туман, кажется, был не таким густым.

Наконец пролеты кончились. Тэсс осталось преодолеть совсем короткий коридор. Он вел к единственной двери на этом маленьком, скорее напоминавшем мансарду этаже. На двери светлела металлическая прямоугольная табличка.

Управитель Миаль Родригер Паолино.

Табличка блестела. Паолино наверняка протирал ее каждый день.

Тэсс прислушалась и толкнула дверь, заяц быстро протиснулся в проем. В кабинете управителя она бывала только один раз, довольно давно – в день, когда Паолино узнал о Марче. Тогда взволнованной Тэсс было совершенно не до того, чтобы озираться по сторонам, и теперь она немного растерялась.

Помещение, которое вроде не могло быть большим, казалось огромным. Высокий потолок, мягкий светлый ковер на полу, две огромных карты на противоположных стенах: политическая на одной и Карта Сестер – звездная – на другой. Совсем небольшое количество мебели: рабочий стол, четыре книжных стеллажа, несколько кресел и стульев и длинный оптический прибор у полукруглого окна. Ничего лишнего, кроме вывешенного на одной из стен выцветшего от времени флага Вуллз – Четвертого региона, к которому относился Кров. Это было белое полотно с заключенной в синий круг четверкой, похожей на изогнутую стрелу.

Тэсс все это удивило.

Скромно, слишком скромно и сдержанно, даже скучно. Почему-то ей казалось, что ло Паолино с его утонченной внешностью и манерами наверняка склонен к излишествам в отношении мебели и дорогих предметов. Она ждала обилие картин, статуэток и маленьких фонтанов. Или хотя бы больших комнатных растений и зеркал.

На столе, рядом со стопками документов, перьевыми ручками и угольными карандашами, Тэсс увидела кое-что знакомое, а именно белый платок с тонкой вышивкой по краю. Он был выстиран и ровно сложен пополам. Тэсс взяла его в руки и повертела. Отчего-то ей стало не по себе.

– Таура... – позвала она, прекрасно зная, что кабинет пуст.

Лапитап неторопливо и деловито подгрызал одну из ножек письменного стола. Он казался абсолютно спокойным.

Вдруг Тэсс заметила еще одну узкую дверь, не слишком выделяющуюся на фоне светлой обивки стен. Тогда она вспомнила, что управитель никогда не жил внизу, как другие воспитатели. Он полностью забрал себе верхний этаж, значит, по-видимому, за дверью располагалась его жилая комната.

Тэсс колебалась. Отчего-то ей не хотелось туда входить. Что-то необъяснимо ее тревожило, так же, как недавно тревожили собственные слова о тумане. И все-таки Тэсс тихонько прошла по ковру и потянула дверь на себя. Хорошо смазанные петли даже не скрипнули.

В комнате было темно из-за задернутых бледно-синих гардин. Только у пола светлели клубы тумана. С первого взгляда помещение – с таким же минимумом мебели, как и в каби-

нете, – показалось Тэсс пустым, и ей захотелось поскорее его покинуть. В какой-то степени она испытала облегчение. Но ее внимание привлекло еле заметное движение на широкой кровати. Темный силуэт среди подушек узнавался очень легко – треугольные ушки торчали слишком высоко.

– Таура! – Тэсс добежала до нее и резко схватила за воротник. – Ты спятила? Как можно было так удрать, мы все испугались, я испугалась! Что ты тут забыла?

Тэсс пыталась заглянуть в бледное лицо подруги, но голова Тауры была безжизненно склонена, глаза ничего не выражали. Ее уши прижались, не реагируя, как обычно это бывало раньше, на резкие звуки голоса. Когда Тэсс разжала руку, Таура тут же легла обратно на покрывало и свернулась, прижимая к груди сцепленные в замок руки. В темноте ее мягкие волосы светились почти так же, как туман.

– Я хотела проверить, – ее голос звучал отстраненно, – что он...

– Его здесь нет.

Тэсс сама не поняла, с какой интонацией – утвердительной или вопросительной – произнесла это. Таура закрыла глаза.

– Здесь никого нет, – продолжила Тэсс, пожившись. – Вообще никого, и взрослых тоже, и внизу. Мы остались совсем одни.

Таура снова никак не отреагировала. Тэсс опустила руку на ее затылок и провела по ее волосам:

– Слушай. Я на самом деле понимаю. Я замечала. Мне...

– Мне тоже, – откликнулась шпринг.

– Может, они вернутся?

– А чужаки вернулись?

Вопрос заставил Тэсс вздрогнуть. «Чужаки просто уехали, – быстро сказала она самой себе, успокаиваясь. – Уехали. Уехали. *Уехали*». Надеясь, что голос не дрожит, она спросила:

– Значит, ты тоже помнишь этот туман? Думаешь, это связано?

– Я не знаю, – коротко отозвалась Таура. – Мне все равно.

Тэсс опять обвела глазами помещение. Массивный гардероб, в котором наверняка хранилось много серо-голубых рубашек. Небольшая тумбочка с часами и какой-то книгой. Плоский настенный светильник и кресло под ним. Открытая дверь в ванную комнату. Совершенно не за что зацепиться взглядом, а Тэсс хотелось именно этого. На Тауру она смотреть почему-то не могла.

– Сейчас придут остальные. – Заговорить оказалось невероятно трудно. – Вставай. Идем.

– Я не хочу. Куда?

– Таура, – Тэсс легко встряхнула ее за плечо, – нам надо что-то делать. Хотя бы понять, что произошло и грозит ли нам то же самое, что им всем. Что если их что-то...

Шпринг повела ухом.

– Таура, – Тэсс повысила голос. – Перестань, в конце концов, это всегда было глупо, а теперь особенно.

Таура медленно открыла глаза. Ее лицо оставалось все таким же равнодушным.

– Глупо. А ты побудь на моем месте.

Ей нечего было сказать. Слова Тауры были обидными и правильными сразу, они сбивали с толку, одновременно сводя возможный спор на нет. Тэсс бросила на подушку свою находку и, протянув руку, еще раз мягко провела по светлым разметавшимся волосам шпринг:

– Твой платок. Думаю, он хотел его тебе отдать. Жду тебя снаружи.

Она встала и вышла. Спешно прикрыла дверь и заткнула уши. В отличие от Ласкеза, мягкого и понимающего, несмотря на внешнее пижонство, Тэсс никогда не умела быть хоро-

шим, чутким утешителем. И теперь она постаралась напомнить себе, что шпринг, как говорят, никогда не плачут. Но плачут ли полукровки?

* * *

Она смотрела в окно на еле виднеющиеся деревья. Все повторялось: скоро туман должен был рассеяться, возможно, меньше чем через треть вахты. Что тогда произойдет? На этот вопрос ей даже не хотелось отвечать. Она была уверена в одном – Таура права. *Чужаки не вернулись*. Но ведь их забрал в Большой мир зеленый самолет, верно?

Тэсс сделала круг по кабинету. На какое-то время она задержалась у звездной карты. Контуры Моста, Ладьи, Пера и Щита – осевых созвездий, ориентирующих по сторонам света, – были отмечены ярче и четче всех, как и на других таких картах. Паолино любил рассматривать звезды? Этого Тэсс о нем тоже не знала. Но прибор у окна подтверждал это. Правда, заглянув в трубу, Тэсс увидела, что устройство сейчас направлено не на небо, а на какую-то точку в океане. Может, управитель пытался понять, откуда надвигается туман?

Тэсс подошла к столу, ножку которого продолжал с упоением грызть заяц, и выдвинула несколько ящиков. Она не совсем понимала, что именно хочет найти. Счета, еще счета, очень много счетов – за продукты, книги, освещение и воду, теплую одежду, которую не всегда могли предоставить крестные. Подшивки листов успеваемости за последний юнтан. Пустые блокноты, расходные книги. У Паолино не было счетовода, всеми денежными вопросами он занимался сам. Тэсс иногда удивлялась, как много он всего успевает, но управитель действительно справлялся. Ящик за ящиком, подшивка за подшивкой – Тэсс бездумно ворошила их, не особенно вглядываясь в цифры.

Кое-что в самом нижнем ящике наконец привлекло ее внимание: и это был пистолет – вороненый, с резной рукояткой и удлинненным стволом. Красивый, тонкой работы и наверняка дорогой. А еще – прямо поверх очередной расчетной книги – лежали два прямоугольничка из красной плотной ткани, с тисненой черно-серебряной эмблемой: *восемь стрел, сходящихся на маленькой округлой металлической блямбе*. Тэсс взяла прямоугольнички в руки; края были неровные, точно ткань обрезают. Местами виднелся строчный шов. Что это?

Тэсс зачем-то сунула кусочки ткани в карман. После этого она начала усерднее рыскать в ящиках, по-прежнему не понимая, с какой целью. Впрочем, еще кое-что она обнаружила почти сразу, заметив стопку розово-серых полупрозрачных бумажек и небольшой мешок с чем-то тяжелым. Деньги. Они очень пригодятся, если...

– Тэсс?

В дверном проеме стояли ла Довэ и Джер, Ласкез замер чуть позади. Все трое хмуро глядели на девушку. Прискакавший с ними заяц подбежал к своему собрату, и они начали уничтожать деревяшку стола уже вдвоем.

– Ты ее нашла? – спросила Мади Довэ, медленно входя в кабинет и осматриваясь. – Управителя... нет?

– Она там. – Тэсс махнула рукой на дверь в спальню. – Управителя нет.

– Вы осмотрелись? – уточнил Ласкез. – Что-то обнаружили?

Тэсс покосилась на Джера и решила не отвечать: врать при лавиби было бессмысленно. Она пожалала плечами, положила деньги на стол и задвинула все ящики.

Таура правильно выбрала момент, чтобы появиться – и появиться так, будто ничего не произошло.

– Ну что, все живые? Что мы будем делать? Ой, кто это здесь!

Она заметила зайцев у стола и, улыбаясь, подошла к ним с совершенно прямой спиной. Ее глаза были сухи, она тихонько мурлыкала. Тэсс посмотрела на нее в упор, потом отвернулась. Она предпочла бы и дальше верить, что шпринг не плачут. Даже полукровки.

– Не знаю, может, вам все равно, – тем временем заговорил Джер, – но на наших этажах тоже никого нет, и у младших, и в кабинетах учебного корпуса. Мы везде заглянули. Все то же самое...

Последнюю фразу он произнес медленно, задумчиво, а его взгляд был направлен на спину Ласкеза.

Брат Тэсс успел пересечь кабинет и открыть дверь в жилую комнату. Теперь он внимательно осматривал помещение, опираясь рукой о дверной косяк. Лавиби приблизился и слегка пихнул его:

– На что ты уставился? Что тут, хоромы Паолино? Дай-ка взглянуть.

Ласкез посторонился.

– Заметил? – каким-то особым тоном спросил он.

Джер помедлил с ответом, потом кивнул:

– Не только.

– О чем это вы там шепчетесь? – повысила голос Мади Довэ, стоявшая у географической карты. Ласкез и Джер оглянулись:

– Я думал, что его комната роскошнее, – хором сказали они и скрылись за дверью.

Тэсс не знала запаха лжи. Но ей показалось, что она его почувствовала. Пообещав себе чуть позже все разузнать у брата любыми доступными способами, она подошла к доктору Довэ.

Женщина, хмурая и сосредоточенная, уже отвернулась. Ее тонкий смуглый палец обводил контуры двух континентов Большого мира – Протеи и Веспы – и соединявший их Перешеек.

– Что-нибудь случилось? – тихо спросила Тэсс. – Вы... что-то поняли?

Доктор не слышала ее вопросов. Она была увлечена картой.

На Веспе Мади Довэ не задержалась: она была дикой землей. Строго охраняемым континентом, по известным причинам давно вынесенным за пределы остального мира. Прошло несколько сотен юнтанов с того дня, когда Веспа была полноправной частью Син-Ан. Пятым регионом, нарушившим общие законы, справедливые и предельно простые.

То есть, Пятым регионом на всех картах Веспа осталась и сейчас, но, наверное, многим было бы проще, если бы на ее месте изображали пустое закрашенное пространство. Веспу мало изучали на уроках землеведения, детей не возили туда на прогулки и каникулы, оттуда не приезжали путешественники. На Веспе даже Малый Синедрион – совет градоначальников и богачей – не играл особой роли. А *пятый тобин* – верховный правитель Веспы – конечно, имел голос, но семь глав других регионов вполне могли и не считаться с ним, решая ключевые вопросы Единства. К тому же это был единственный из восьми тобинов, не передававший свою власть по наследству, а утверждаемый остальными. По-настоящему Веспой правило Первое подразделение оборонно-караульной Длани, *алопогонная стража*. Жители Большого и Малого миров старались лишний раз не вспоминать об этих людях. Тэсс не была исключением.

– Ты видишь? Что это?

Теперь доктор Довэ вела пальцем по свежей, явно нарисованной от руки темно-красной кривой линии. Она шла от острова Четырех Ветров через океан, ненадолго заходила на Веспу, пересекала Перешеек, задевала портовые Такатан и Аджавелл и заканчивалась на Протеи, в Галат-Доре – Первосветлейшей, столице Седьмого региона и всего Син-Ан. Здесь на конце линии виднелась кривая потекшая стрелка.

– Вы думаете... это нарисовал управитель?

– Возможно, – медленно отозвалась доктор. – Он ведь всегда любил загадки и умел их загадывать.

Тэсс вспомнила, как управитель заставлял их разыскивать по всему Крову подарки, приготовленные на Переветание – смену ветра Сбора ветром Сна, означавшую начало нового юнтана. В поисках ребятам неизменно помогали оставленные где-то подсказки, знаки, голололомки. У каждого подопечного были свои загадки, и оставалось только удивляться, как управляющий мог выдумывать их, никогда не повторяясь и умудряясь увлечь даже старших.

Тэсс обернулась к Тауре. Та, сидя на корточках у стола, смотрела на зайцев. Но ее торчащие ушки свидетельствовали о том, что подруга жадно ловит каждое слово. Наконец поднявшись, Таура медленно подошла.

– О чем вы разговариваете?

Тэсс показала ей стрелку. Таура прищурилась:

– Она нарисована его рукой.

– Как ты поняла? – удивленно спросила ла Довэ. – Это могло быть...

Шпринг странно посмотрела на нее и пожала плечами.

– Его рукой, – упрямо повторила она. – Он хотел что-то сказать. Может... мы найдем его там, куда указывает красная стрелка? Или по пути к этому месту? Мы ведь попробуем? Да? Мы ведь... не останемся тут? – Выражение ее лица изменилось, грусть сменилась испугом.

Тэсс попыталась поймать взгляд доктора, ожидая встретить сочувствие. Но ла Довэ выглядела неожиданно серьезной. Снова и снова она проводила по стрелке кончиком ногтя, покусывала нижнюю губу и о чем-то напряженно думала.

– Нам надо... – начала она.

За спиной снова раздались шаги. Обернувшись, Тэсс увидела Джера и Ласкеза. Последний держал под мышкой книгу со стола управителя.

– Что вы нашли? – вкрадчиво спросила доктор. – И нашли ли?

– Ничего, – коротко ответил Джер, а Ласкез показал книгу.

– Вот, альбом с кучей фотографий. У него там много наших снимков. За десять юнтанов. И вы там есть на парочке, ла. Вы хорошо получились.

Но Мади Довэ не особенно заинтересовалась альбомом. Мельком взглянув на плотную кожаную обложку, а затем посмотрев Ласкезу в глаза, она упрямо повторила:

– Что вы нашли?

Они переглянулись, и Джер неохотно признался:

– Там остался его запах. И его кровать убрана. В других комнатах было не так.

Таура охнула и резко схватила Тэсс за руку, но ничего не сказала. Ла Довэ прищурилась.

– И о чем это говорит, детективы?

Она намеренно передразнила Джера, и тот нервно усмехнулся, прежде чем ответить:

– Он исчез не вместе со всеми. Но он тоже пропал прямо из своей комнаты – в коридорах-то его запаха не осталось. И...

Ласкез толкнул его в бок. Лавибби осекся и отвел глаза. Почему-то он сомневался – стоит ли говорить дальше. Но доктор Довэ смотрела на него в упор, хмуря брови. Наконец она подошла почти вплотную и положила руку ему на плечо. Ее пальцы крепко сжались, возможно, даже причинив юноше боль.

– Джер, ты помнишь, что говоришь не с самками, а с *женщинами*? Ты не должен ничего от нас скрывать. Особенно от меня. Я воспитатель. Отвечаю за тебя. Ты обязан мне подчиняться, как все остальные. Наоборот не будет. Ясно?

Он кивнул, но продолжил молчать. Тогда доктор спросила:

– Что ты там учуял? Запах крови или запах незнакомцев?

Лавибби вздрогнул и наконец встретился с ней взглядом. Затем медленно произнес:

– Оба запаха, ла Довэ.

7. Алые паруса

– Нам нужно поскорее отсюда убраться.

Они понуро сидели в пустой столовой, также погруженной в туман. Еда не особенно лезла в горло, даже еще не успевший остыть хлеб из золотистой лобесовой муки. Тэсс становилось дурно, стоило ей только взглянуть на нежную белую мякоть и румяную корочку. Она отложила хлеб и придвинула к себе чашку с горячим трэмом. Ласкез в противоположность сестре уминал уже третью краюху – как всегда, когда его что-то тревожило. Еда помогала ему успокоиться, хотя сколько бы он ни ел, он по-прежнему оставался очень худым.

Мади Довэ медленно перевела взгляд на открытую дверь в кухню, откуда обычно выводили на тележках тарелки и стаканы. Казалось, доктор ждала появления какой-нибудь знакомой фигуры в чистом белом фартуке. Мертвая тишина, не нарушаемая привычным дребезжанием утвари и бодрой переключкой поваров, явно давила ей на уши так же, как и Тэсс. Наконец женщина вздохнула и покачала головой, возвращаясь к разговору:

– Первое, что нужно сделать, – дать знать Большому миру, что у нас что-то случилось.

– А что, у нас что-то случилось?

Ву раскачивалась на стуле и то и дело бросала окружавшим ее зайцам, которых стало уже четверо, то хлеб, то сладкие клубни *таби*, то горсти голубой симиритовой ягоды. Ее вопрос, заданный ни с того ни с сего, тем не менее был здоровым.

– Действительно. – Ласкез смерил ее коротким взглядом. – Как мы опишем то, что у нас произошло? Пропали люди? И ни у кого не возникнет вопросов, почему мы не пропали с ними вместе?

– Сюда явятся, когда узнают... – прошептала Таура, до этого сидевшая совсем тихо. – И, скорее всего, явятся алопогонные. Синедрион ведь всегда посылает их, когда происходит что-то непонятное.

– Думаю, никому не надо объяснять, что они будут с нами делать? – уточнил Джер.

– Ничего *такого* они, может, и не сделают, – мягко возразила ла Довэ. – Они ведь уже были у нас и никого не тронули. Помните?

– Почему же тогда вы не пускали нас к побережью, где стояли их корабли? – вкрадчиво спросил Ласкез.

Тэсс заметила, что доктор отложила вилку, точно потеряв аппетит. Но она все же улыбнулась, поправила волосы и лишь слегка пожала плечами:

– Я не имею таких сведений. Ло Паолино на всякий случай не разрешал выходить даже воспитателям и мне. Может, он боялся, что кто-нибудь из вас спрячется на корабле и уплывет с ними вместе в Большой мир? Ведь отсюда уже сбегали дети.

Джер фыркнул:

– Почему тогда Паолино не боялся, что кто-нибудь пойдет ночью в Дальний Лес, когда доги выходят на охоту и зажигают свои фонари? Это же почти одно и то же.

– Ты преувеличиваешь.

Но Тэсс подумалось, что в его словах была доля истины. Да и голос доктора звучал вовсе не так уверенно, как хотелось бы.

Алопогонных – Первое подразделение оборонно-карательной Длани – боялись не просто так. Закрытая гвардия существовала уже несколько сотен юнтанов, формально подчиняясь Большому Синедриону Восьми и вместе с тем довольно спокойно выбирая и выстраивая свои собственные порядки. Алопогонные были почти невидимой, но определяющей силой во всей жизни Син-Ан. Их слово могло повлиять на исход любого суда, могло уберечь от виселицы или наоборот – отправить на нее. Алопогонные умели появляться незаметно и так же незаметно исчезать, не оставив и следа от того, что привлекло их внимание или вызвало

гнев. Алопогонные охраняли закон и были законом, а точнее – весомой причиной, по которой закон соблюдался. О методах алопогонных предпочитали не говорить после наступления темноты, а о применении этих методов регулярно упоминали в газетах или по радио. Если где-то в Большом или Малом мирах вдруг наступала тишина, можно было не сомневаться: там только что прошла алая буря.

Алопогонные контролировали все, что хоть как-то отличалось от обыденного. Зодчих – в том числе. Тэсс это знала. Знала давно, с того момента, как голубые глаза одного из *них* встретились с ее глазами. Она до сих пор иногда вспоминала этот взгляд; он настигал ее даже во сне.

– Ты преувеличиваешь, – повторила Мади Довэ. Ее голос подрагивал.

Тэсс опустила голову.

Когда чужаки ушли

...Корабли появились у края океана на восходе Зуллура – через пол-юнтана после самого первого тумана. Ветер Пробуждения как раз сменялся ветром Расцветания.

У кораблей были яркие алые паруса – их позволялось иметь только одному флоту в Син-Ан – и особенные ростры: не привычные фигуры китрапов, птиц и людей, а какие-то неведомые уродливые чудовища. И эти корабли было хорошо видно издалека, на них показывали пальцами, о них шептались. Паруса показались Тэсс еще ярче, когда она случайно увидела, как, заметив их, побледнел управитель Паолино.

Алопогонные ни разу не приходили в приют за все время пребывания на острове. Они жили на своих кораблях и постоянно рыскали в опустевших зданиях завода и конструкторского бюро. В эти дни отменили все уличные занятия. Ло Паолино вообще сделал, кажется, все, чтобы сократить пребывание своих ле за пределами Крова, пока корабли не уплывут прочь. Тогда Тэсс это показалось ужасно несправедливым – ведь ей так не терпелось пробраться за высокий забор чужаков, чтобы продолжить мастерить Марча; самолет был почти готов, его оставалось только покрасить.

Теперь она вполне поняла, что управитель поступил так не из вредности.

Он попросту за них боялся.

Уходя в последний раз с завода и оставляя Марча там, она обещала разрешить ему полетать. Но на следующий день появились суда алопогонных, и воспитатели перестали отпускать ребят даже на короткие утренние прогулки. Тэсс не могла ждать. Она всегда слишком серьезно относилась к своим обещаниям. К любым. Поэтому ей пришлось нарушить запрет Паолино.

В самое тихое и спокойное время – вскоре после обеда – она тихонько выбралась через окно первого этажа и убежала. Она уже знала, что примерно в этот момент алопогонные тоже возвращаются на свои корабли: они покидали заброшенные постройки, едва подходила к середине второй вахты. Вероятно, они возвращались ночью, просыпаясь в конце третьей или начале первой вахты. Тэсс иногда замечала движение и огоньки на фоне темных глыб.

Так или иначе, выбранное время было безопасным. Тэсс постоянно повторяла это себе: пересекая густой кустарник и пролезая в дыру в заборе, тихонько шагая по дорожке и отодвигая старую доску, скрывавшую проход в нужный корпус. Убеждая себя, что все в порядке, она озиралась и преодолевала длинные коридоры, замирая и прячась, едва заслышав подозрительный звук. Ей ничего не грозило. Нет. Совсем ничего.

Она немного успокоилась, только когда освободила из-под горы тряпья и отвязала от паровой трубы Марча – обладавший беспокойным нравом самолет то и дело порывался взлететь и производил очень много шума. Теперь он радостно загудел.

Стоило Марчу взмыть в воздух, как Тэсс пожалела о своей задумке. Конечно, он не понимал, что ему можно кружить только под потолком полуподвального помещения, в котором темнели силуэты проржавевших старых машин и повсюду торчали трубы. Естественно, он предпочел поискать себе местечко поинтереснее. Тэсс пыталась догнать его, несясь за ним по уже знакомым коридорам. Затем самолет выбрался на открытое пространство между заброшенными корпусами. Марч легко перелетел забор, и Тэсс снова полезла в знакомую дыру, перепачкавшись землей и разбив коленку. Она очень жалела, что не взяла с собой Ласкеза. Тот бегал намного быстрее.

Марч будто дразнил ее: полетел дальше, едва хозяйка показалась из-за забора. Направление его движения теперь было очевидным. Его интересовало побережье, а именно самая крайняя бухта. Место, где пришвартовались корабли с ярко-красными парусами.

Тэсс похолодела. Сначала она решила остановиться. Пусть Марч летит, пусть его поймают, в конце концов, они не смогут определить, *кто* его построил. Они не будут ее искать. Наверное, они заберут самолет с собой, а может, просто его сломают. Это не так страшно, это не так...

Размышляя об этом, она бежала все быстрее. Тэсс огибала редящие деревья, затем спустилась по склону. Там, где глинистая земля плавно сменялась песком, перемешанным с галькой, Тэсс ненадолго замерла.

Корабли со спущенными алыми парусами маячили впереди. Палубы были пустыми – видимо, люди собрались в кают-компаниях и отдыхали или занимались какой-то письменной работой. Или кого-нибудь мучили... Тэсс побежала снова. Шум мотора нарастал, значит, она была почти у цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.